

ПАВЕЛ
АСТАХОВ

МЭР

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Павел Алексеевич Астахов

Мэр

**Серия «Адвокат Артем
Павлов», книга 1**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162905
Мэр / Павел Астахов: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-98541-8*

Аннотация

Книга о тех, кто правит нашими городами. Власть, деньги, криминал. Роман о вечных ценностях: жизнь и смерть, любовь и предательство, дружба и зависть, вера и цинизм – все это прошло через судьбу мэра. От кресла градоначальника до тюремных нар всего один шаг. Путь на свободу может занять всю оставшуюся жизнь. Трагическая судебная драма о современной политике и временщиках, о мудром законе и его заблудших детях, о власти денег и деньгах во власти. Новый роман адвоката Павла Астахова «Мэр» раскрывает хитросплетения властных интриг на примере жизни современного мегаполиса и трагической судьбы его мэра, восставшего против системы. Преданная жена, крупнейший предприниматель-миллиардер, сражается за его свободу и жизнь. Ей помогает адвокат Артем Павлов. Им противостоят бизнес, криминал, власть, суд. Проиграть нельзя. Выиграть невозможно!

Содержание

Пролог	7
Ох уж эти бабы!	8
Владыка	11
Равноудаленные	14
Личное	18
Совет	22
Храм	25
Ларьки	28
Коробейники	31
Бандиты	34
Козин	37
Волки	41
Сказка	45
Снос	49
Конкуренция	51
Схема	55
Порнушка	59
Стройка	61
Наставники	66
Твари	69
Глас народа	71
Чистка	80
Кабинет	83

Чай	86
Родственник	90
Переговоры	94
Супруги	99
Отравитель	101
Орловский	104
Сыщик	106
Самолюбие	110
Отход	113
Подозрение	115
Нечаянная радость	118
Брак	121
Дон Кихот	124
Приют	128
Тема	131
Дочь	134
Толик	136
Информатор	139
Гроссмейстер	142
Партия	144
Дефицит	149
Кризис	153
Сынуля	155
Психоз	156
Шанс	158
Цветы	159

Гости	162
Пощечина	166
Эфир	170
Языки	175
Войска	177
Третья колонна	178
Чайник	180
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Павел Астахов

Мэр

© Астахов П., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Мэрам, оставшимся на свободе,
посвящается*

Пролог

Никто уже толком и не помнит, с каких именно пор профессия чиновника стала столь же престижна, сколь и презираема. Бизнесмен вынужден грабить клиентов и партнеров по бизнесу. А бессовестный чиновник грабит всех: коммерсантов, стариков, государство, армию и даже детей. Быть обеспеченным бизнесменом – уже преступление, быть богатым чиновником – преступление вдвойне. Но в любом правиле есть исключения. Честный слуга государев имеет все шансы на карьерный успех, если он благословлен Кремлем и за ним стоит серьезный капитал. Лучше семейный. Поэтому с недавних пор сочетание жена-коммерсант и муж-чиновник стали оптимальной формой семейно-государственного устройства и лучшим пропуском в мир большой политики и крупного бизнеса.

Ох уж эти бабы!

– Деньги! Деньги!

– Деньги? Не-е-ет! Девки!!!

– Ох уж эти девки!

– Не говори! Все проблемы от них!

Козин прокашлялся и, раздвигая балаболов плечами, двинулся на поиск выехавших на час раньше сыновей. Они должны были занять ему место.

– Бросьте! Все проблемы, когда их нет.

Козин выбрался на открытое место и опешил: зал был набит битком!

– И с ними беда, и без них хоть вешайся! – рассмеялись сзади.

– Но в бизнесе лучше без них.

«Это точно, – подумал Петр Владиленович, обшаривая взглядом зал заседаний, – нечего бабам в бизнесе делать». Свободных мест не было. А главное, он нигде не видел своих сыновей!

– Вон у этого американца, Трампа, баба отхватила миллиард!

– Не миллиард, а полтора.

– Вот тебе и слабый пол!

Петр Владиленович развернулся.

– А эта девочка? – напомнил он. – Ну, наследница Она-

сиса.

– Ага! – тут же поддержали его. – Он помер, а все миллиарды – соплячке. Жениться на ней, что ли?

– Наследство – вещь полезная. Раз – и ты миллиардер.

– А ты на нашего мэра погляди!

Предприниматели захохотали. Супруга у Лущенко и впрямь была завидная. Случись Алене остаться вдовой, женихов налетит...

– А что – все у нее! Самые выгодные строительные подряды – у нее! Лучшие участки земли – ей!

– А льготные кредиты? Все – для нее!

Настроение предпринимателей, только что вполне жеребьячье, начало падать.

Гражданская жена мэра – Алена Сабурова – не только первой завоевала этот город, но уже и поставила всю градообразующую систему в зависимость от своих проектов. Надо признать, весьма грандиозных.

– Ну, и какое тут равенство?!

– А равноудаленность?

Козин зло рассмеялся и похлопал коллег по плечам:

– Не желайте невозможного. Дальше своей постели мэру никак удалить Алену Игоревну не может!

Бизнесмены гоготнули и тут же начали поглядывать на часы.

– Эй, Роберт Шандорович! Сколько можно ждать?!

– Звоните Лущенко!

– Или без него начинайте!

Владыка

Митрополит Гермоген, крупный мужчина с огромной головой, украшенной окладистой седой бородой и умными ярко-голубыми глазами, взирающими из-под косматых седых бровей, чем-то напоминающий Мороза-воеводу, пришел в мэрию ранним утром. Он уже выяснил, что Игорь Петрович с 10.00 должен участвовать в заседании Совета бизнесменов, а его дело не терпело ни помех, ни суеты.

Фигуристая секретарша ойкнула, вскочила и почтительно замерла. Владыка, опираясь на митрополитский посох, слегка кивнул и остановился посреди приемной. К нему из своего кабинета уже выходил мэр города. Смиренно поклонился и, явно кем-то наученный, протянул сложенные руки ладонями кверху для благословения.

«Алена Игоревна подсказала...» – удовлетворенно задвигал пышными усами владыка и поднял крестное знамение.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... – Он тут же приблизился, обхватив мэра огромными ручищами, притянул к себе и трижды приложился щека к щеке.

Владыка знал, что это умиротворяет людей – всех без исключения. То ли потому, что от него пахнет воском, медом и ладаном, то ли потому, что в обычной жизни люди крайне редко позволяют себе такую роскошь, как открытое проявление любви человека к человеку. Разве что случалось в дет-

стве, когда, проснувшись утром и нежась в теплой постельке, ребенок чувствует, что мир прекрасен, все его любят и вообще хорошо, что он есть.

– Отец Гермоген, проходите, пожалуйста, в мой кабинет.

Владыка улыбнулся. Игорь Петрович настолько разволновался, что напрочь забыл, как правильно обращаться к митрополиту. И это означало, что нечто живое, искреннее в нем обязательно есть.

Гермоген важно прошествовал в кабинет, расположился в глубоком кресле и поставил посох возле подлокотника. Мэр присел напротив через стол.

– Чем могу помочь матушке церкви?

Игорь Петрович определенно старался быть учтивым, пусть это и выглядело со стороны слегка высокопарно. Владыка пытливо заглянул мэру в глаза.

– Игорь Петрович, я очень рад, что вы стали градоначальником, – размеренно, веско произнес он. – Уже первые ваши дела заслуживают всяческих похвал. Забота о детях, малоимущих, стариках и многодетных – это важное богоугодное дело.

Игорь Петрович опешил, и Гермоген знал отчего. Слышавший множество льстивых речей, мэр почуял, что эта благодарность искренняя.

– Спасибо, ваше святей... отец... – Мэр покраснел. – Простите, я совершенно запутался в иерархии. Как же мне правильно обращаться к вам?

Сказал это Лущенко растерянно и даже слегка беспомощно, но, что самое важное, честно и откровенно. Владыка улыбнулся:

– К особам духовного звания можно обращаться по-всякому. Можно и «отец». Митрополиту можно говорить «владыка» или, на старый манер, «владыко». А в официальном обращении, например в письмах, лучше употреблять «ваше высокопреосвященство». Так что выбирайте.

Гермоген хитро блеснул глазами. Ему было крайне интересно, какой из титулов изберет в общении мэр.

– Тогда позвольте узнать, ваше высокопреосвященство, чем могу помочь?

«Уважил... – мысленно рассмеялся Гермоген. – Что ж, пусть будет по-твоему!»

– Сначала позвольте мне, ваше высокопревосходительство, господин мэр, поблагодарить за аудиенцию.

Брови Игоря Петровича от изумления поползли вверх.

– Высокопревосходительство?!

Гермоген чинно наклонил голову:

– Если вы ко мне с полным официозом и регалиями, то и я в ответ обязан.

Потрясенный мэр выдохнул:

– Тогда я буду обращаться «владыка»...

– Так-то лучше, Игорь Петрович, – улыбнулся Гермоген.

Равноудаленные

Сериканов нервничал: время начала заседания приближалось, а Луценко не выходил. Тем временем предпринимателей становилось все больше, а просторный зал мэрии, казалось, уменьшился до размеров шкатулочки.

«Засиделся босс в кабинете... засиделся!» – нервничал Роберт Шандорович: начинать столь спорное заседание Совета бизнесменов без Луценко не хотелось.

Несмотря на строгую пропускную систему, внутрь проникло людей в несколько раз больше, чем приглашалось. Бизнесмены чуяли, что в городе происходит нечто важное, и, чтобы попасть на этот Совет, ими были задействованы все мыслимые и немыслимые ходы и связи.

Надо сказать, оно того стоило. Как в свое время президент регулярно встречался с равноудаленными олигархами страны, так и мэр Игорь Петрович Луценко плотно работал с коммерсантами города. А с самым богатым, точнее, самой богатой предпринимательницей он встречался каждый день вне графика и даже делил с ней стол и кров, постель и любовь. Однако общественное мнение пока формировала все же Алена Игоревна, и предприниматели не собирались отдавать супруге мэра еще и это право – одно из немногих оставшихся.

«Интересно, – подумал Роберт, – что шеф на этот раз вы-

катит? Неужели все-таки доведет до конца вопрос о киосках?» То, что Луценко готовит сюрприз, было ясно уже вчера, едва Сериканов услышал, что будет поднят вопрос о мусоре.

«Но насколько далеко он пойдет? Неужели решится?» Собственно, принципиальное решение о закрытии ларьков и киосков, расположенных вдоль основных городских магистралей, уже две недели как было принято. Но одно дело признать, что это необходимо, и совсем другое – довести это скандальное дело до логического конца. И Роберт предупредил мэра о неоднозначности ситуации – пару дней назад.

– У многих коммерсантов половина бизнеса на этом и стоит, – прямо объяснил тогда Роберт. – Ясно, что они требуют либо денежной компенсации, либо аналогичных земельных участков для переноса на них своих хозяйств.

– Сколько у них ларьков сейчас идет под снос? – сухо поинтересовался мэр.

Роберт знал цифры наизусть, однако демонстративно, подчеркивая тот факт, что опирается на документы, заглянул в тоненькую папочку:

– Две сотни тридцать восемь киосков и ларьков.

Мэр поморщился. Цифры впечатляли.

– А денег сколько просят?

– Они считают не только стоимость самого ларька, но просят и упущенную прибыль компенсировать. – Роберт Шандорович с многозначительным взглядом нарисовал в возду-

хе несколько нулей.

Луценко сразу же вскинул брови – он был весьма недоволен.

– И что это значит?

– По 20 000 у.е. за ларек, – объяснил, что это значит, Роберт, – и столько же в качестве покрытия убытков в виде упущенной выгоды, то есть недополученных доходов. Итого за двести тридцать восемь объектов торговли – девять миллионов пятьсот двадцать тысяч у.е.

Луценко помрачнел:

– Перебьются. Они эти ларьки давным-давно уже окупили. А упущенную выгоду покрыли тем, что получили и спрятали от налогов с прибыли.

Роберт покачал головой. Де-факто все обстояло именно так, но вот де-юре...

– Подготовь распоряжение выплатить за снос киосков по остаточной стоимости... – жестко распорядился мэр и достал из дальней стопки бумаг на столе листок со своими собственными расчетами, – по оценкам нашего департамента финансов, за ларьки, простоявшие более пяти лет, – по 300 у.е., так как они уже амортизировались и ничего не стоят.

Роберт открыл рот да так и замер. Цифры для городских коммерсантов были просто убийственными. А мэр тем временем продолжал:

– А за ларьки, простоявшие меньше пяти лет, – по 600 у.е. Вот и весь сказ.

Сериканов тогда лишь с обреченным видом развел руками. Спорить с Луценко было непросто, а переубедить – и того сложнее.

«Точно – без него начинать придется!» – оглядев волнуемый зал, зло подумал он. Начало, несмотря на кажущуюся формальность, было не самой простой частью заседания и далеко не самой приятной.

Личное

Вчера, едва узнав, кто записался к нему на прием, Игорь Петрович снова подумал о ребенке, которого у них с Аленой так и не было. Она проверялась у самых разных специалистов, и все они говорили одно и то же: «абсолютно здорова», но... как сказала бы его мать, бог не дает.

«Может, и впрямь дело не в одном телесном здоровье?» – Игорь Петрович думал об этом все чаще, особенно когда в городе появились сектанты – так он их, поначалу не различая, окрестил.

Об их появлении Игорь Петрович узнал по целой череде писем, обрушившихся на администрацию. Все они выражали почтение, напоминали о каких-то строках Священного Писания и просили быть милосердным. Однако суть обращений, несмотря на различные названия, сводилась к одному – к просьбе выделить участок земли под молельный дом, приходской совет или дом настоятеля. Само собой, в центре города, на самой коммерчески востребованной земле.

– М-да... – только и произносил мэр и отправлял очередное прошение в стол.

Отношение к вере, пожалуй, было единственным, в чем у них с Аленой взгляды не совпадали. Выросшая в семье красного генерала, Алена была тайно крещена в детстве, а вот теперь не только регулярно посещала храм, но еще и тяну-

ла за собой Игоря Петровича. Он особо не упирался, хотя и был крещен скорее в силу семейной традиции. На службу его домашние практически не ходили, а пасхальный кулич и крашеные яйца несли на кладбище, где и оставляли.

Даже падение советского строя не изменило его взглядов на церковь, а точнее, их полное отсутствие. Да, ему нравились католические костелы, в которые они с Аленой обязательно заходили, путешествуя по Прибалтике, а позже, с открытием границ, и в Париже. Да, его изрядно впечатлили храмы Сакре-Кер и Нотр-Дам. Ему нравилось, что можно сидеть во время службы, пока величественные своды разносят органную симфонию, столь могучую, что казалось, ей подпевают ангелы на небесах. Но дальше этого как-то не шло, а потому и просьбы разного рода «сектантов» повисали в воздухе. Мэр просто затягивал решение их вопроса и складывал все их прошения в стол.

Но вчера, когда он обнаружил в числе записавшихся на прием самого митрополита Гермогена, внутри у Луценко екнуло, и вокруг что-то изменилось.

Так часто бывает в нашей жизни, что мы находим ответы на свои тайные переживания в самом неожиданном месте. Встречаем прежде не знакомых людей, одно слово которых проливает свет на наши самые мучительные, самые давние и неразрешимые вопросы. Смотрим на географическую карту, мечтая о поездке на диковинные острова, и вдруг — звонок почти забытого приятеля с приглашением восполь-

зоваться горячей путевкой по неожиданно низкой цене. А сколько раз произнесенная мысленно фраза вдруг встречала нас в самых неведомых местах! Случайно услышанное в самолете имя оказывается на табличке вашего гостиничного портье, а необычную фамилию героя только что проглоченного детектива Б. Акунина носит ваш новый коллега по работе, лишь сегодня принятый в штат.

Эти маленькие, неприметные знаки мы учимся замечать, читать и расшифровывать всю жизнь. Тот же, кто осилил эту науку, как правило, уже не сомневается в том, что мысль материальна, – со всеми вытекающими отсюда невеселыми последствиями.

«Надо же... сам митрополит...» – не переставал думать Лущенко о предстоящей встрече, а когда эта встреча состоялась, мэр был просто поражен.

Митрополит оказался умным, внимательным и на удивление незаносчивым собеседником. Уже в первые четверть часа Игорь Петрович вдруг осознал, что они говорят – впервые в стенах этого кабинета! – не о деле, а о нем самом! А потом он и вовсе потерял чувство времени.

– Я вас с супругой в храме часто вижу, – с теплотой в голосе рокотал Гермоген, – а вот исповедоваться не приходите... не причащаетесь. Что-то личное?

Игорь Петрович неловко улыбнулся и неожиданно для себя ответил как есть:

– Честно говоря, никак не решусь. Все какие-то сомнения.

Даже стеснения, может быть.

– Неплохо, – удовлетворенно улыбнулся Гермоген и, видя непонимание, пояснил: – За стеснением часто скрывается обычная скромность. Не худшее качество человека, уж поверьте. А не сомневается лишь тот, кто слишком поражен гордыней.

Лущенко замер. Таких параллелей он прежде не слышал.

– Вы, Игорь Петрович, выберите себе батюшку, – посоветовал Гермоген. – У нас в епархии много умных священников. Пообщайтесь, присмотритесь...

– Тогда, может быть, к вам? На первую исповедь...

Лущенко сам не верил, что сказал это.

– Отчего же нет? – улыбнулся ему Гермоген. – Только на исповедь вы идете не к человеку, а к Господу. Я лишь служитель и проводник. Слух мой открыт, уста запечатаны.

Игорь Петрович тряхнул головой. Он и не подозревал, насколько эти слова окажутся понятными, человеческими и простыми.

– Как просто...

Владыка усмехнулся:

– А оно и должно быть просто. Как батюшка Серафим Саровский говаривал, знаете? «Где просто – там ангелов до ста, а где мудрено – там ни одного!»

Совет

Сериканов с неудовольствием поглядывал на битком набитый гудящий зал.

Ему, как юристу, сразу стало ясно, сколько головной боли создаст Совет бизнесменов. Найти общий язык с этим террариумом единомышленников было почти невыносимо. Но мэр хотел выглядеть демократичным, и понятно, что на первом же заседании начались проблемы.

Да, подобные органы были и на Западе, и Лущенко сразу сообщил, что видел такие и в Германии, и в Голландии, и в Великобритании. Но первое же собрание, как это обычно бывает, быстро превратилось в крик и склоку.

– Что можно сделать Советом в пятнадцать человек?!

– Почему предпринимателей только треть?!

И ни объяснения, что тот же принцип формирования у Общественной палаты, ни указания на то, что по трети от Думы, администрации и бизнеса – это самое оптимальное и вполне демократичное сочетание, никого не устроили.

А едва начали зачитывать список членов Совета, поднялся крик.

– А куда Дрынцалова дели?!

– А как Батанин туда попал?!

– А где Козин?! Где?

– Я очень прошу соблюдать порядок, – внятно, размеренно

но произнес первый вице-мэр, – Совет уже сформирован. Всем дадут слово. У всех будут равные права. Не главное входить в этот Совет. Главное – работать. Честно.

– Ага! Как Сабурова!

Сериканов прекрасно понимал, что Алена Сабурова, жена мэра, и есть его ахиллесова пята.

Разумеется, Алена занималась коммерцией и до избрания мужа депутатом, а затем и мэром. И Луценко был готов отстаивать ее право на предпринимательство и реализацию своих коммерческих талантов... но такова жизнь: только начни оправдываться, и на это будет уходить все твоё время.

Сериканов, избавляясь от воспоминаний, тряхнул головой, глянул на часы – 10.05 – и прошел к трибуне.

– Ну что, начнем, господа?

Шум и гомон спали.

– На повестке дня – санитарное состояние наших торговых точек.

– Наших? – издевательски спросил кто-то.

– Ваших, – поправился Роберт Шандорович, – а если быть совсем точным, то тех мест неупорядоченной торговли, что так портят кровь и нам, администрации, и вам, серьезным бизнесменам.

Зал мгновенно затих. Неупорядоченная мелкая торговля не только была источником всякого мусора и антисанитарии – она сбивала цены магазинам.

Так что придушить разного рода «лоточников» руками администрации было соблазнительно.

Храм

Удивительно, однако, пока они говорили о душе самого Лущенко, им не помешали ни разу. Но едва Игорь Петрович сообразил, что владыка пришел сюда с какой-то просьбой, и вспомнил, что он еще и мэр, телефоны как взорвались.

– ...До Октябрьской революции в городе нашем церквей было сорок сороков... – волнуясь, заторопился Гермоген.

Звонок. Долгий, настойчивый.

– ...Звон стоял от окраины к окраине. Так и звали: малиновый звон. А нынче едва-едва по одному храму в год восстанавливаем...

Снова помеха – два телефона сразу.

– ...Ладно, что власть не торопится помогать. А то еще и мешать начинает.

Мэр сорвал звенящие трубки и с грохотом водрузил их обратно.

– Можно подробнее, владыка? Кто это вам мешает?

– Рашид Абдуллаевич, прокурор наш городской... – развел руками Гермоген. – Сколько раз я предупреждал его, что предам анафеме...

– За что? – опешил мэр.

Гермоген развел руками:

– Он считает, что священников пускают в тюрьмы неоправданно часто.

Потрясенный мэр моргнул и с грохотом поднял и опустил на рычаги еще две трубки.

– А кого же еще пускать, если не адвоката да священника?

Гермоген вздохнул:

– Прокурор говорит, священники мешают следственным действиям. Уж я ему объяснял, что спасение даровано не одним прокурорам...

Мэр, соглашаясь, кивнул.

– ...что первым вошел в Царствие Небесное разбойник, что покаялся на Голгофе, а уж никак не Понтий Пилат.

Лущенко хмыкнул, но было видно: он согласен и с этим.

– Так он дал следователям прокуратуры указание не допускать священнослужителей в качестве общественных защитников! В отместку, что ли...

– Вы пытались что-нибудь сделать? – нахмурился мэр.

– Конечно, – закивал Гермоген, – сразу протест написал. А он, нехристь, отвечает, что церковь от государства отделена, вот и выполняйте, мол, Конституцию.

Лущенко озадаченно поднял брови и быстро глянул на часы:

– Я спрошу у Сериканова... он должен знать. Разберемся, обещаю.

Телефоны буквально разрывались.

– Да и это все еще терпимо, – взмахнул рукой Гермоген. – Он ведь строительство нового здания городской прокуратуры затеял! Вот где ужас!

Мэр непонимающе качнул головой:

– Ав чем ужас-то?

Гермоген на мгновение замер и тяжело вздохнул:

– Земля-то эта святая, кровью политая. На этом самом месте храм Иоанна Предтечи стоял – до советской власти. Когда большевики надумали его снести, прихожане и служители внутри заперлись...

– И что? – застыл мэр и не выдержал – выдернул шнуры из розеток одним пучком.

Наступила полная тишина.

– Взорвали, – выдохнул Гермоген. – Вместе с людьми.

Ларьки

Уже в следующий миг Луценко знал, что разберется с этим делом до конца. А митрополит оперся на посох и на кресло; вставая, расправил широкие полы черной мягкой рясы.

– Не смею больше задерживать, Игорь Петрович. И так я у вас отнял больше положенного времени.

Он поднял руку и совершил крестное знамение в сторону мэра. Благословил. Вышел из кабинета и величественно прошествовал к выходу из приемной. За ним поспешил помощник в одежде монаха или послушника.

Игорь Петрович проводил их взглядом и поймал себя на мысли, что с ним случилось дежавю. Именно так пришла и ушла председатель городского суда Егорина со своим незаметным помощником. Ей нужны были квартиры...

Мэр тряхнул головой. Сравнение было явно чрезмерным, и он прогнал глупую мысль прочь. Так случается: едва человек соприкоснется с духовной чистотой, со святынями, поговорит со священником, тут же ему Лукашка морду состроит – мысль дурацкую подкинет или глупость какую в голову занесет... Дверь мягко закрылась, и Луценко почти бегом двинулся по коридору – в сторону зала заседаний. Он опаздывал на целых двадцать минут.

«Ничего... Роберт справится...» Положа руку на сердце,

на плечи Сериканова легла самая грязная часть работы – завести аудиторию. Случись рассматривать этот вопрос в узком кругу собственно Совета, и его бы просто-напросто запырили. Но в аудитории всегда срабатывал закон стада, и голоса наиболее осторожных и вдумчивых просто тонули, терялись среди шуток и подначек. Собственно, это и было главной целью всякой массовости.

Луценко подошел к приоткрытой двери и, кивнув милиционеру, заглянул в щелку. Они уже голосовали – судя по лесу рук, почти единогласно.

– Добрый день, – толкнул он дверь.

– До-о-обры-ы-ый... – завертел головами зал.

– Ну, что ж, решение принято, – с облегчением кивнул мэру Сериканов. – Переходим к следующему вопросу. Прошу вас, Игорь Петрович.

«Отлично, – торжествующе улыбнулся мэр, благодарно кивнул Сериканову и взял из рук секретарши протокол. – Та-ак... по деньгам прошлись... уход от налогов заклеямили... по мусору нужное решение приняли».

– Так, Роберт Шандорович, а почему вы главный вопрос не рассмотрели?

Сериканов виновато моргнул, а зал насторожился. Луценко сокрушенно покачал головой и подошел к трибуне.

– Вы приняли очень верное решение, – оценил он работу расширенного Совета, – но, сказав «а», надо говорить и «б». Давно пора оптимизировать и работу киосков.

Бизнесмены обмерли. Но через мгновение опомнились и загудели.

– Главная-то грязь в городе именно от них! – продолжил наступление мэр. – Криминал! Крысы! Контрафакт, наконец! Перед всей Европой стыдно! Как хотите, а нам с вами надо с этим покончить.

Коробейники

Игорь Петрович сказал обо всем. И о том, что эти ларьки уродуют город своим мерзким видом и вечной помойкой вокруг каждого из них, и о горах бутылок, оберток, объедков и пакетов, о пирующих крысах, бездомных кошках и о символе не мира, а запустения – наглых серых воронах. И понятно, что ответная реакция последовала почти сразу.

В зале тут же поднялись человек семь, но первым выбежал к трибуне и схватился за микрофон парень в расшитой рубахе-косоворотке и – мэр не поверил своим глазам! – красных шароварах.

– Меня зовут Веня Чучмарков. Компания «Евротелефон». О чем мы тут говорим?! О бабулькиных лотках? Если посмотреть, как мы работаем, то станет ясно, что нас всех держат в положении бабулек с лотками! Мы все варим яйца. И продаем. А сами жрем бульон!

Луценко взыскующе посмотрел на странного коммерсанта:

– Вы что имеете в виду?

Парень повернулся к мэру:

– Налоги безумные. Все это знают. Но и это полбеды. Научились. Ищем схемы. Но городские поборы – просто бред! Что это за «тротуарный сбор»? Какие еще дорожные взносы?

Луценко стиснул зубы. Тему о поборах можно было раз-

вивать до второго пришествия, и заседание Совета грозило превратиться в очередную склоку.

– Дальше – хуже, – с напором продолжил коммерсант. – Каждый день приходят инспекторы: пожарный, санитарный, торговый, административный, префектурный и еще хрен знает какие!

«И как его с этой трибуны стащить?» – едва не застонал мэр и повернулся к парню:

– Вы не выражались бы, молодой человек!

– А я не выражаюсь! – хлопнул наивными глазами коммерсант. – Я так говорю. А выражаюсь я по матери! Вот вы, мэр! Вы готовы пересмотреть хоть часть этих идиотских поборов?

Мэр вскипел, но к нему тут же наклонился заместитель Роберт Сериканов.

– Игорь Петрович, – углом рта процедил он, – вы с ним лучше не связывайтесь. Он у нас за городского сумасшедшего слывет. А на деле – миллиардер.

Мэр прищурился: «Веня... точно! Есть такой!» Алена говорила ему о каком-то Вене. С уважением говорила. Вроде как за два года бизнес поднял, а начинал на вещевом рынке. Позже, правда, весь этот рынок на память себе выкупил.

Лущенко посмотрел еще раз внимательно на Веню и поднял руку:

– Все ясно! Спасибо за информацию, будем разбираться. Но согнать Веню с трибуны было непросто.

– При чем тут спасибо?! Я вам говорю, надо действовать!
А вы «разбираться»!

Мэр скрипнул зубами и с облегчением увидел, что Веню все-таки вытеснил рвущийся к трибуне толстенький лысый человек в галстуке «пожар в джунглях».

Сериканов снова склонился к мэру:

– А вот сейчас начнется самое страшное...

– Я Николай Николаев, – представился толстяк. – Объединение коробейников. Ну-ка, Игорь Петрович, поподробнее про киоски? Что вы там надумали?

Лущенко даже не стал вставать, а просто пододвинул микрофон ближе.

– Киоски, ларьки, лотки будем убирать с улиц. Эта позиция уже поддержана гордумой.

Зал загудел.

– Совсем очумели!

– Ну, блин, приехали!

– Кранты бизнесу!

Лущенко окинул быстрым взглядом волнующиеся ряды. Он видел, что возмущаются далеко не все; большинства бизнесменов судьба киосков не касалась. А значит, едва пар будет спущен, все встанет на нужные рельсы.

Бандиты

Петр Владиленович наблюдал за дебатами очень внимательно. В свое время понеся крупные убытки от действий Луценко-Сабуровых, он сумел диверсифицировать свой бизнес, вновь занявшись торговлей из ларьков и киосков. Даже с учетом податей и поборов прибыль выходила приличная.

Теперь этому относительно благополучию мог прийти конец.

А тем временем к трибуне все подходили и подходили как естественные союзники Козина, так и посланные его сыновьями фигуры. И все они уводили разговор в сторону от киосков – к реальным городским бедам.

– Меня звать Борис Абрамович... – представился очередной оратор – старый, маленький и совсем седой, – и я так скажу: некуда нам, крестьянам, податься... одни проблемы...

В зале рассмеялись:

– Что за беда в стране! Что ни Борис Абрамович, так проблема!

Мэр жестом привлек внимание оратора:

– Борис Абрамович! Нельзя ли поконкретнее! Вы о чем печетесь?

Оратор с глубокой тысячелетней грустью в глазах вздохнул:

– Вы таки хотите конкретнее? Будет конкретнее. Скажите, господин мэр, вы можете гарантировать нам защиту?

– Защиту? – удивился Лущенко.

– Да-да! Не удивляйтесь! За-щи-ту!

Лущенко весело глянул в сторону Сериканова.

– А какого плана защиту? – поинтересовался Роберт Шандорович. – Страховку? Адвоката? А может, врача?

– Я имею в виду не медицину, а бандитов, – сокрушенно покачал головой старик. – Защиту от бандитов в погонах, от бандитов в халатах, от бандитов в мантиях. Можете? Вот так-то! Молчите? Очень грустно!

Оратор всплеснул маленькими ладошками, и мэр постучал карандашом по столу:

– Борис Абрамович, уважаемый! Какие такие бандиты? Я считаю, у нас в городе с бандитизмом покончено. Слава богу, никто не стреляет. Не взрывает. Не режет. Мне начальник ГУВД докладывает два раза в день: утром и вечером. С преступностью боремся и будем бороться.

– А я, господин мэр, – о другом бандитизме. О том бандитизме, что ваше ГУВД нигде не учитывает! Наезды-то не от криминала идут, а... как бы это сказать... совсем наоборот!

Мэр помрачнел. Он прекрасно понял, о чем речь, но признаваться в этом не мог.

– Это как же – наоборот?

– От милиции, простите. Суды душат. Без подношеньца или без команды палец о палец не ударят. А проверяющие

и вправду замордовали. Спасенья нет! Каждый день по два, а то и по три!

«Пора...» – понял Петр Владиленович и двинулся к трибуне.

Козин

«А вот и Козин...» – невольно напрягся мэр.

К трибуне решительно протиснулся высокий мужчина в строгом черном костюме. Его мужественное лицо могло служить моделью для плаката «Они не пройдут!». В зале ментально стало тише.

– Меня знают все? – оглядел он зал, даже не взглянув на мэра.

– Все-е-э-э! – гораздо более дружно, чем мэру, отозвалось собрание.

– Ну и отлично! – кивнул Козин. – А теперь – к делу. Во-первых, киоск, лоток и место неупорядоченной торговли – не одно и то же. Мэр Луценко смешивает эти понятия неправомерно. Хотя, конечно, преднамеренно.

Зал с одобрением загудел.

– А во-вторых, здесь ни для кого не секрет, ради кого Игорь Петрович старается на этом, с позволения сказать, со вещании.

Что-то щелкнуло, и Луценко понял, что это сломался в его руках карандаш.

– Естественно, для своей супруги Алены Сабуровой.

Зал зашелестел голосами, и Луценко почувствовал, что его лицо наливается кровью.

– Ты за языком следи, Петя! – выкрикнул кто-то. – А то

ведь объясняться заставят!

– Я готов, – выпрямился Козин и кивнул в сторону Игоря Петровича. – В отличие от нашего главы, у меня совесть чиста.

Мэр стиснул кулаки, и его ухватили под столом за край пиджака. Он медленно, с угрозой развернул голову. Это был Сериканов.

– Не надо, Игорь Петрович. Пусть выскажется.

Козин оглядел зал:

– И главное... Все это «демократическое» обсуждение, как и весь ваш Совет, – фикция и останется ею до тех пор, пока не будет восстановлена реальная справедливость. Реальное равенство для всех. С этого, с «головы», надо начинать.

Мэр побагровел, а Сериканов постучал карандашом по стакану:

– Извините... Петр Владиленович. Вы ведь, если не ошибаюсь, не член Совета?

– Нет, – отрезал Козин.

– Тогда вы имеете право на участие в прениях, но не имеете права вносить изменения в повестку дня. Подайте заявление в Совет, его там рассмотрят и в течение двух-трех дней вам дадут ответ.

Козин пожал плечами:

– А заявление у меня короткое, и условие одно: предприниматель Сабурова работает в городе на общих основаниях.

Мэр вскочил:

– Послушайте, вы! Я вижу, что вы решили саботировать нашу работу! Но учтите, я не принимаю ультиматумов! Если вам не нравится участвовать в обсуждении городских проблем, вы можете идти! – Он выбросил руку в сторону двери: – Никто не держит.

Козин заиграл желваками:

– Не вы меня приглашали, господин Сабуров. Я сам пришел. Не вам и гнать.

– Сабуров? – вскипел мэр.

– Сабуров... Сабуров... Сабуров... – прошелестел смешками оценивший подначку зал.

– Вы... вы... – не мог найтись мэр.

И тогда в зале пошли выкрики – не в пользу Козина:

– Хватит, Петя, хамить!

– Мы сюда не на тебя смотреть пришли.

– Освобождай трибуну...

– А я все уже сказал, – развел крупные крестьянские ладони в стороны Петр Владиленович, – не будет у нас ничего, пока справедливости не будет. Вы и сами это знаете.

Козин повернулся к Луценко, но мэр уже взял себя в руки.

– Вы же слышали, что вам люди говорят? Можете уходить, Козин! Вы свободны! – Он уже чувствовал, что выиграл схватку, усмехнулся и зачем-то добавил: – Пока!

Козин сошел по ступенькам в зал и пробрался сквозь

плотно забитые ряды к выходу. За ним двинулись еще несколько человек. Сериканов наклонился к Игорю Петровичу и шепнул: «Сыновья и племянники».

Выйдя в проход между рядами кресел, Петр Козин остановился. Повернулся к мэру. Ожег его ненавидящим взглядом. И произнес почти по слогам, очень ясно и четко:

– И ты свободен! Пока!

Волки

В городе Козина боялись. Не то чтобы все поголовно. Кто-то его и не знал вовсе. Или знал шапочно. Но те, кто знал близко, боялись точно. Как-то в начале 90-х залетные казанские братаны наехали на его винные ларьки.

Вытрясли выручку, забрали ящиков двадцать спиртного, избили пятерых продавцов и показательно побили остальной товар. Видимо, чтобы семья Козиных не строила иллюзий насчет того, кто будет контролировать их торговую сеть «Козерог».

Они, пожалуй, не учли одного: Петр Владиленович никогда и не строил иллюзий. Реально понимая пределы влияния милиции и желая им там же и оставаться, он просто съездил в ГУВД и предупредил, что будет говорить с теми, кто разорил его магазин. Попросил не вмешиваться да и не беспокоиться тоже. Затем тщательно подобрал уединенное кафе на окраине города, лично завез туда действительно хорошей водки и действительно свежего мяса и назначил встречу.

Казанцам оказанный прием понравился. Петр Владиленович ни связями, ни охраной не козырял, приехал один, а взмыленный официант едва успевал менять блюда – одно другого лучше. Ароматные шашлычки прямо с огня, маленькие, с перепелиное яйцо бараньи котлетки, кулебяка и соленья, редкие в то время финские колбаски и еще более

редкие импортные сыры – на столе было все.

– Кушайте, ребята, кушайте, – ласково улыбался Петр Владиленович, почти не касаясь еды, помаленьку выпивал и, умело торгуясь, шаг за шагом сдавал позиции.

– А сам-то чего не ешь? – спросил кто-то.

– Переедание вредно для здоровья, – нравоучительно обронил Петр Владиленович и под всеобщий хохот продолжил мять меж крупных крестьянских пальцев хлебный мякиш.

Братаны зря смеялись. Нехитрую истину об опасности переедания Петр Козин запомнил с послевоенного детства, когда – вечно голодный – съел принесенную матерью неведомо откуда ржаную буханку и чуть не отдал богу душу. Нет, в Бога он так и не поверил, но во всемогущество заворота кишок уверовал навсегда.

А ближе к финалу, когда осоловевшие от еды и пьяные не столько от водки, сколько от собственной крутизны ребятки начали куражиться, Козин склонился под стол и что-то тихонько катнулось по полу – прямо под ноги братанам.

В следующий миг Петр Владиленович уже падал назад, потянув на себя – вместе с едой – обеденный стол с толстой дубовой столешницей. Вышло так, как он и рассчитывал: Козин оказался в углу, прикрытый тяжелой столешницей, а семеро здоровенных качков стали жертвой взрыва гранаты Ф-1, прозванной в народе «лимонкой».

Когда в кафе ворвались омоновцы, кое-кто из посеченных осколками в области брюшины и паха незадачливых рэкет-

ров был еще жив и даже стонал.

Но безнадежно забитые шашлыками и котлетами, кулебяками и колбасой животы гостей тянули их на тот свет куда быстрее, нежели неслись по ночному городу на самую дальнюю окраину реанимационные автомобили.

С тех пор Козин нажил не только авторитет, но и массу ненавистников – слабых, разрозненных и точно также, как его, ненавидящих друг друга.

«Но, похоже, их час настал...» – подумал Сериканов, едва заседание завершилось и они с мэром двинулись в сторону приемной.

Открытый конфликт затронул больную струну, и она зазвучала. Противники Козина увидели уникальный шанс подвинуть «Козерогов», – что особенно удобно, под прикрытием мэра Луценко. Вот только Сериканова это не устраивало: сильный Козин был ему намного полезнее Козина поверженного.

– Надо было ограничиться лотками, – на ходу бросил Роберт Шандорович.

Мэр шел рядом и угрюмо молчал.

– А этого Козина вы близко к сердцу не принимайте...

Мэр не удостоил его ни словом.

– Вам все равно его киосков не снести.

Луценко встал как вкопанный – прямо посреди коридора мэрии.

– Почему?

Сериканов остановился напротив – глаза в глаза.

– Все просто. Большинство козинских киосков с самого начала оформлены как «Хлебобулочные изделия», а в нашей стране, сами знаете, хлеб – всему голова. А можно сказать, и главный национальный продукт.

– Но он же не торгует хлебом в них во всех?! – взвился Лущенко.

– Формально торгует, – возразил Роберт Шандорович. – И так будет до тех пор, пока юридические документы не будут переоформлены.

Лущенко потрясенно слушал.

– Ну, и настоящие хлебные киоски у Козина есть, – указал Сериканов, – причем, судя по отчетам, цены у него для народа приемлемые. А именно цена на хлеб определяет уровень благополучия населения и социального спокойствия.

– Ерунда какая-то! – потрянул головой мэр и двинулся по коридору. – Я точно знаю, что девять из десяти козинских точек торгуют сигаретами, пивом и шаурмой.

Сериканов улыбнулся. Теперь было можно.

– Вы, конечно, отступить уже не можете. Поймут не так. И я, конечно, все, что вы скажете, сделаю. Но, поверьте моему опыту, ничего, кроме проблем, в этой истории нажать нельзя. Особенно если иметь дело с Козиным.

Сказка

Петр Владиленович Козин никогда не сидел в тюрьмах и колониях, однако по фене мог объясняться свободно – так уж сложилась его жизнь, что пришлось научиться.

Авторитеты и воры в законе Петра уважали и старались решать все вопросы миром. При этом Козин не отказывал в помощи ни ментам, ни фобосам, – если те действительно просили на дело, а не «ставили на бабки». У него было звериное чутье на такие ситуации, и, наверное, только поэтому он до сих пор был сам себе крыша.

Даже в тот день, в далеких 90-х, когда все оборачивалось против него, Петр Владиленович не пошел ни под кого. Он помнил все до деталей: как отбросил тяжеленную столешницу, как, пошатываясь, выбрался во двор, как закурил... Полная луна заливала призрачным светом крыши последних, еще не сгоревших тогда бараков, и от этого мир казался таким же призрачным и потусторонним. Призрачным в тот день стало и его будущее, – едва омовцы повалили из машин.

Первым к нему подошел известный своей неуязвимостью, стремительно идущий по служебной лестнице вверх опер Брагин. Его подручные, словно тени следующие за начальником Пятаков и Гулько, возникли позади него. Коммерсанты боялись этой троицы куда больше, чем бандитов.

Брагин поднял спецмаску, что-то сказал, но слов Козин не услышал; ему казалось, опер лишь беззвучно открывал и закрывал рот. Петр Владиленович щелчком отбросил улетевшую трассером в кусты сигарету и выковырял из ушей тщательно размятый хлебный мякиш.

– Ты чего молчишь? А, Петро? Контужен? – схватили и потрясли его за плечо.

Козин поморщился и отстранился, высвобождая руку:

– Все в порядке! Не тряси!

– А чего молчишь, как рыба об лед?!

– Так, задумался.

Брагин загоготал:

– Га-га-га! Задумался! Ты бы раньше задумался, когда сюда ехал – против семерых. Прямо сказка наоборот! Га-га-га!

– Какая еще сказка? – не понял Козин.

– Га-ага-га! Гы-ыгы-гы! – зашелся от гогота Брагин.

Остальные молча недоумевали и пожимали плечами, Козин все больше злился, а потом схватил гогочущего Брагина за руку и автомат АК-47, который тот держал наперевес. Милиционер перехватил руку Петра и отвел в сторону.

– Э! Не лапь казенное имущество! – улыбнулся и, приглашая остальных поближе, продолжил: – Ну, блин, Петя, ты даешь! Совсем не знаком с фольклором народным! Помнишь, как в сказке: пришел волк и сожрал... Кого?

– Красную Шапку, – послышался голос Гулько.

– Красную Шапочку ты в своем баре по пятницам тя-

нешь! – отсмеявшись, отрезал Брагин. – Напомню тем, кто в садик не ходил: волк сожрал семерых козлят!

– И что? – прикурил следующую сигарету Петр Владиленич.

– А у нас один Козин сожрал семерых волков!

Милиционеры грохнули и почти покатались от хохота – сначала Гулько и Пятаков, затем брезгливо отирающие о траву испачканные в крови и дерьме башмаки омовцы, и в конце концов засмеялся и Козин.

Он смеялся громко, с повизгиванием, до слез, до истерики, до оранжевых кругов перед глазами, возникших не то от взрыва, не то от надрывного гогота, не то от яркой луны, печально светившей во все небо.

А потом Брагин толкнул его в бок:

– А может, я ошибаюсь? И гранату выронил кто-то из этих семерых? Что скажешь, Петр Владиленич? Наши условия ты знаешь...

Козин знал брагинские условия, и они его не устраивали.

– Работу оплачу, но не более.

Да, это был риск. Брагин, попади ему вожжа под хвост, мог закатать Козина хорошо и надолго, но опер заглянул Петру Владиленичу в глаза, что-то такое для себя понял, и они договорились – почти мгновенно. С тех самых пор Брагин, теперь уже подполковник, оказавший Козину немало достойно оплаченных услуг, все время вспоминал эту историю. Он часто пересказывал ее своим коллегам, добавляя

все новые и новые подробности.

И неизменно в финале истории, под слова «а конец один — кишки наружу!» — вся компания стражей порядка и слуг закона закатывалась диким хохотом, пугая мирных посетителей кафе и ресторанов.

И только виновник этой смешной истории, Петр Владимович Козин, подобной беззаботностью козырнуть не мог. Особенно теперь.

Снос

Алена была довольна: уже к вечеру близкие к мэрии журналисты сориентировались.

– ...Речь идет о распоряжении мэра Лущенко, касающемся сноса коммерческих киосков с улицы Карбышева в срок до 1 июня, – каждый час зачитывал один и тот же текст диктор местного телевидения.

– Городские службы указывают, что коллектор на Карбышева находится в критической ситуации и требует немедленного ремонта, – подхватила «Вечерка», – до начала работ все торговые палатки должны быть снесены.

Ну, а к 22.00, к вечернему выпуску городской радиостанции, жители услышали и голос мэрии, гласивший устами молодого пресс-секретаря.

– Улица Карбышева – это стратегический район города, – размеренно и трагично, пытаясь подражать Левитану, говорил вчерашний выпускник литинститута, – именно под ней проходят коммуникации МЧС, ФСБ и правительственная связь. Случись даже самая обычная авария, и последствия будут катастрофические.

А уже к утру Сериканов предоставил Игорю Петровичу и все остальные, не столь юридически обоснованные, но не менее действенные аргументы в пользу ликвидации козинской «лоточной империи».

Сначала прошло интервью с главным городским крысобоем, прямо указавшим на главный источник «серой чу-мы» — места неупорядоченной торговли. Затем подключились и другие службы СЭС, рассказавшие ошарашенным телезрителям о реальном качестве купленных в киосках продуктов, и уж каких там палочек только не оказалось! Ну, а затем Роберт Сериканов лично продемонстрировал телезрителям несколько самовольно установленных киосков.

— На них вообще нет никаких документов, — тыкал в глядящую сквозь окошко испуганную киоскершу первый заместитель мэра, — они не числятся в СЭС, о них не знают в пожарной части, и, само собой, их не замечает налоговая инспекция.

Нет, Козину эти киоски не принадлежали, но это было и неважно — важно было создать для широкой публики общую картинку, и Роберт честно отработывал свое первое после Игоря Петровича кресло в мэрии.

Конкуренция

Петр Владиленович понимал, что происходит, лучше остальных. Свежая, неизвестная широкой публике информация стекалась в его офис каждый час.

– Алена договорилась о доставке из Турции еще нескольких строительных бригад, – сообщил ему малозаметный служащий аэропорта. – Деталей не знаю, но четыре «Боинга» прибудут уже послезавтра.

– Алена перевела деньги на премирование инженерно-технического персонала при условии досрочной сдачи своих объектов, – доложил скромный оператор одного из крупнейших и надежнейших банков города. – Сеть гипермаркетов – на первом месте.

– Алена уже договаривается об оптовых поставках товара... – отпартовал завскладом собственной Алениной базы.

– Уже?!! – опешил Козин.

– Я так понимаю, она ко Дню независимости уже хочет их все открыть, – виновато пояснил из телефонной трубки завскладом.

Петр Владиленович закричал так, что насмерть перепугавшаяся секретарша вскочила.

– Сидеть! – рявкнул он. – Работать!

Алена явно пыталась приурочить сдачу своих продукто-

вых магазинов к закрытию всех его киосков. Это позволяло перехватить покупателя почти целиком.

А потом в его приемную позвонили.

– Международная компания «Козерог», слушаю вас, – испуганно косясь на багрового от недобрых мыслей шефа, представилась секретарша.

Козин тяжело встал, прошел к ее столу и нажал кнопку громкой связи. Он хотел знать все, что происходит вокруг, лично.

– Будьте добры Петра.

Это был Сериканов.

– Как вас представить? – строго по регламенту поинтересовалась все еще напуганная секретарша.

– Как представить? – хохотнул Сериканов. – Лучше на пляже в Монте-Карло.

Козин невольно усмехнулся, и ему немного полегчало.

– Простите... – девушка запнулась.

– Представьте меня на пляже, я вам говорю, – уже с раздражением отозвался из аппарата Роберт, – а Петру передайте, что звонит адвокат.

Козин сделал знак положить трубку на место, и секретарша беспрекословно подчинилась. Она слишком хорошо знала, каков Петр Владиленович во гневе.

– Адвокат... – презрительно фыркнул Козин.

Роберт действительно частенько помогал ему не только как вице-мэр, но и как юрист. Но вот адвокатом Сериканов

себя именовал не по праву.

Да, когда-то он мечтал стать адвокатом. Рассказывал, как учился на юриста, бредил громкими процессами, вниманием прессы. Но... не срослось.

Первый зам никогда не рассказывал дальше... почему не срослось, а потому Козин как-то дал задание своей службе безопасности выяснить этот вопрос и на следующий день знал все. И, само собой, все оказалось просто и некрасиво. Выступив однажды в деле своего друга по квартирному вопросу, молодой Роберт был жестоко унижен и осмеян судьей, которая как-то не разглядела в нем будущего Урусова и Кони. Эту историю в суде слишком хорошо запомнили, а потому и рассказали дотошному начальнику козинской безопасности все и в деталях.

У судьи шел пятый процесс за день, а перед этим недавно ушел муж, а дочь случайно забеременела от одноклассника, а обещанную три года назад квартиру все никак не давали, плюс с утра сломался каблук на только что купленных сапогах. И когда какой-то сопливый брюнетик, пусть и симпатичный, принялся разыгрывать из себя мэтра юриспруденции, судья завелась и совершенно сошла с рельсов.

– Говорят, она поначалу пыталась привести его в чувство, – рассказывал Козину службист, – но он не понял. Ну, и сорвалась баба.

Роберт был сражен наповал, по крайней мере в суд он с тех пор не ходил. Даже став заместителем мэра по правовым во-

просам, он первым делом создал группу судебных юристов – лишь бы самому там не появляться. Ну, а когда его спрашивали, почему он иногда называет себя адвокатом, он с мечтательной самоиронией отвечал, что говорит не о профессии, а о призвании.

«Интересно, наорет на мою секретаршу или нет, когда дозвонится во второй раз?» – усмехнулся Козин. Столь внезапно и даже по-хамски оборвавшаяся связь должна была Роберта взбесить, но... за этой невинной девочкой стоял ее шеф.

Раздался звонок, и Козин наклонился к телефонному аппарату. На нем высвечивался номер Сериканова.

– Не подымай, – распорядился Козин и упал в кресло. Сериканов был ему нужен и наверняка звонил по делу, но... то, что он добивался разговора с ним, было так приятно. И лишь когда Роберт позвонил в четвертый раз, Козин поднял трубку – лично.

– Т-ты! – начал Роберт и осекся.

Видно, почуял тяжелое дыхание Петра Владиленовича.

– Слушаю вас, – важно произнес в трубку Козин.

– Этоя.

– Я понял, – мрачно отозвался Козин, – что нового скажешь?

– Есть схема. Ты можешь поквитаться.

Схема

Даже с поваленного на землю Козина тоже можно было взять неплохо. Все понимали, что Козин проиграет, и только он сам этого не понимал, точнее, не хотел понимать.

Выросший в трудные послевоенные годы и воспитанный двором, Петр Владиленович все еще верил в спасительность персональной отваги. А потому и был обречен.

«Что ж, – решил Роберт и толкнул дверь офиса «Козерогов», – соколу – соколиная смерть».

– Здравствуйте, Роберт Шандорович, – вскочила секретарша, и вид у нее был ровно такой, какой надо, – испуганный.

– У себя? – равнодушно кивнул в сторону козинского кабинета Сериканов и, не дожидаясь ответа, по-хозяйски прошел к Петру Владиленовичу.

Он знал, что его ждут.

Козин поднял глаза, молча кивнул в сторону кресла и снова углубился в свои бумаги. Сериканов сел и закинул ногу на ногу.

– Есть возможность «заказать» Аленин бизнес.

Козин на мгновение замер и уткнулся в бумаги.

– Ерунда.

Они оба знали, насколько прочно положение Сабуровой. Начавшая бизнес, когда ее муж не был даже депутатом, Але-

на прошла все, а потому была искушенной, многоопытной бизнес-леди. Последующее депутатство мужа открыло для Алены еще несколько важных дверей, а уж когда Луценко стал мэром, перед ее новыми возможностями померкли даже федеральные связи ее отца. Закрытых дверей для Алены Игоревны попросту не осталось. Ну, может быть, за исключением двух-трех кремлевских...

– Нет, не ерунда, – возразил Сериканов.

– Чушь... – не отрываясь от бумаг, парировал Козин.

Сериканов сосредоточился.

– Во-первых, поскольку почти все твои ларьки оформлены как хлебные, можно поднять шум. Будь уверен, в Кремле к таким ситуациям прислушиваются.

– Это я и без тебя знаю, – отмахнулся Козин, – что «вторых»?

Сериканов загадочно улыбнулся:

– Ты же помнишь эту историю с кабинетом? Министр ее до сих пор помнит...

Петр Владиленович снова поднял глаза.

– Да-да, – закивал Сериканов. – Старые солдатские раны все еще болят. Плюс между мэром и прокуратурой назревает интересный земельный конфликт – и как раз в сфере строительства...

– Ближе к делу, – впился в собеседника взглядом Козин.

– Можно приостановить строительную лицензию. Возможности у министра, как вы понимаете, есть, а при под-

держке прокуратуры...

Петр Владиленович устоял в пространстве перед собой. Предстоящий тендер на строительство жилья для увольняемых военных обещал победителю несколько десятков миллионов, а если считать в цене продаж, то и сотен. Плюс галопирующий рост цен на недвижимость...

– Сколько? – хрипло выдавил Козин.

– Ну, вы же понимаете...

– Сколько?! – рыкнул бизнесмен.

Сериканов сделал вид, что задумался.

– Мне нужен миллион. Не только для себя, как вы понимаете...

– Не пойдет, – отрезал Козин и мгновенно потерял к разговору всякий интерес.

Сериканов понимающе кивнул:

– Я не прошу этот миллион сразу. Можно частями, по мере исполнения заказа. Но аванс нужен сразу, Минюст и Госстройнадзор – не те организации...

– Я хочу контролировать все, что ты делаешь, – внезапно, не отрываясь от бумаг, выдавил Козин, – каждый шаг.

«Есть!» – понял Сериканов.

Обреченный проиграть Козин шел в ловушку ровно так, как и было рассчитано. Понятно, что Козин будет проверять и перепроверять все – в частности, через бывшую секретаршу бывшего мэра Луизу, когда-то учившуюся вместе с козинским сыном. И Роберт Шандорович лучше других знал,

что скажет Луиза: он и организовал целых два телефонных разговора с «Яковом Юрьевичем» – естественно, при ней.

– Значит, договорились? – поднялся он из кресла.

– Посмотрим... – буркнул Козин.

Сериканов улыбнулся. В этих играх особенно приятно было то, что проверить дачу взятки от него – министру в принципе невозможно. Ну не допрыгнуть Козину до личного и опасно откровенного разговора с министром.

Порнушка

Выживший и даже поднявшийся в трудные 90-е, теперь, в начале XXI века, Козин стоял перед угрозой разорения. В отличие от наивных казанских пацанов, Алена Игоревна «крышу» ему не навязывала – уничтожала! И облеченный властью муж неплохо ей в этом подыгрывал.

Петр Владиленович понимал, что отменить атаку мэрии на киоски нереально, и лучшее, что он может сделать, это постараться не потерять «своего» покупателя. Следовало перетаскать покупателей в свои новые, вот-вот заработающие гипермаркеты. Однако эта семейка знала, куда бить, и через день Петру Владиленовичу снова позвонил Сериканов.

– Чего тебе, Роберт? – мрачно произнес в трубку Козин.

– Ты, Петр Владиленович, как... эротическими фотографиями интересуешься? – загадочным тоном поинтересовался Сериканов.

– Говори по делу, Роберт, – поморщился Козин. – У меня работы невпроворот.

– А я по делу... – отозвался первый зам. – Олежка Вольмит у себя на сайте порнографию разместил... ты посмотри, тебя напрямую касается...

Козин опешил: «Компромат?!» Заместитель начальника «Горприроднадзора» доставлял Козину много хлопот, а главное, все время норовил прикрыть строительство гипер-

маркета, но чтобы так?!

– Откуда у него это порно? – выдохнул в трубку Петр Владиленович и с размаху накрыл огромной красной ладонью компьютерную мышку. – Что там?!

– Скажу главное, – мерзко хохотнул Сериканов, – порно мужское. Только мальчики до двадцати...

Петр Владиленович зарычал и, не попадая в значки на мониторе курсором, судорожно заводил им по экрану.

– Но я же никогда...

На экране полыхнул вызывающими ярко-зелеными цветами сайт природоохранного ведомства.

– Статья «Гипермаркет»... – подсказал из телефона заместитель мэра.

Козин ткнул в статью и принялся ждать, когда она загрузится.

«Что за бред?! Он бы не посмел! На официальном сайте?..» Экран мигнул, и перед Козиным плавно развернулась широкая панорамная фотография. На фоне его строящегося гипермаркета, ранним-ранним утром стояла длинная шеренга сонных, только что выбравшихся из вагончиков рабочих-таджиков – сотни полторы, наверное. Все они стояли рядом, лицом к фотографу, и каждый держал руки там, где держит их Брюссельский мальчик.

– Сволочь! – грохнул трубкой об стол Петр Владиленович. – Ну, Сабурова! Ну!.. Ну!!.. Ну!!!

Стройка

Сабуровой позвонили всего через четверть часа после появления этого красноречивого фото.

– Алена Игоревна! Победа! – счастливо доложил Вольмит. – Только что принято решение. Строительство гипермаркета, как не отвечающее санитарным требованиям, будет приостановлено!

Алена улыбнулась:

– Спасибо, Олежка, что позвонил. Надеюсь, на этот раз Петр Владиленович так легко не отделается.

– Главное закрыть, – рассмеялся Вольмит, – а потом... будьте уверены, Алена Игоревна, Козин еще набегается!

Алена сдержанно поблагодарила собеседника и аккуратно положила трубку на рычаги.

Строительство козинского гипермаркета – по разным причинам – останавливали неоднократно. Теперь «Горприроднадзор» обнаружил, что рабочие не добегают до сортира и справляют нужду у траншеи под кабель, прямо за вагончиками.

Алена бросила взгляд на фотографию. Прежде тут была городская клумба, а в последнее время дежурил заместитель начальника природоохранного ведомства Олег Вольмит. Устроив засаду в кустах, он двое суток самоотверженно фотографировал все, что происходит на стройке.

– Героический мальчик... – рассмеялась Алена.

Мало кто видел одновременно сто восемьдесят пять пишущих и даже какающих в одном месте рабочих. А вот Олегу посчастливилось! Понятно, что Вольмит тут же поделился этим счастьем с журналистами, давно привыкшими к экстравагантным попыткам молодого чиновника привлечь внимание к проблемам охраны природы. Ну, а теперь выложил эти снимки и в Интернете.

«Ну, дней на пять стройку приостановят... – Алена бросила взгляд на календарь, – М-м-м, маловато!» Завершить строительство своего собственного гипермаркета к Дню независимости она успевала, но чтобы навсегда обогнать главного конкурента – Козина, пяти несчастных дней было откровенно мало.

«Хорошо бы вообще его закрыть – через суд».

Рассчитывая посоветоваться, Алена позвонила мужу, но Игорь снова был занят.

– Извини, Аленушка... я по Жгутуво заседаю. Сама понимаешь...

Алена вздохнула: она все реже и реже встречалась с мужем за обедом.

Новые объекты вокруг города требовали постоянного внимания и присутствия – как ее собственного, так и со стороны ее мужа – мэра всего этого титанического хозяйства. Она жестом показала помощнице, что обед можно подавать, и развернула любовно тонированный фрагмент генплана.

Ее мечта о глобальной застройке района обретала все более четкие очертания. Работа спорилась, а строительство благодаря поддержке мужа-градоначальника давно переступило за городскую черту и вторглось на территорию слабого губернатора-коммуниста. Вчерашние пригороды становились элитными поселками, а растерянных аборигенов переселяли в новенькие панельные скворечники.

Отработанная процедура выселения и переселения через суд практически не давала сбоев. Единственный прокол случился, когда настырные мама и сын из Западного Жгутова вдруг устроили самый настоящий саботаж.

– Ох уж это Жгутово... – сокрушенно покачала головой Алена Игоревна.

Полуразвалившийся домишко из одной комнаты, совмещенной с закопченной кухонькой, вдруг превратился чуть ли не в Брестскую крепость, осажденную со всех сторон тяжелой техникой, чиновниками и ОМОНОм под руководством самого заместителя начальника ГУВД Знаменцева.

Вышвырнуть упрямцев сразу было еще возможно. Проблема состояла в том, что большинство милиционеров, а сам Знаменцев уж точно, были на стороне выселяемых. Все почему-то считали, что 52-летнюю мамашу и ее 30-летнего сыночка переселять в однокомнатную городскую квартиру несправедливо.

Вот только Алена Сабурова ни уступать, ни тем более отступать не собиралась. Узнав об очередном заседании суда,

где «невыселяемые» мама и сын потребовали две «двушки», она даже в сердцах обозвала их жлобами.

Так что ее муж Игорь Петрович Луценко лишь повторил забывшийся термин – одна беда, что прилюдно... Это и придавало сугубо административной проблеме никому не нужное политическое звучание, а на помощь осажденным потянулось подкрепление.

Алена Игоревна раздраженно скатала чертеж в трубочку. Вначале шум начали поднимать обиженные и недовольные политикой мэра и активностью его жены горожане. Но вскоре к их защите подключились общественники-правозащитники и областные депутаты. И это уже было серьезно. Даже вездесущий адвокат Толя Кротов подсуетился, засветившись на баррикадах, и согласился исчезнуть с федеральных телеэкранов только тогда, когда получил встречное личное предложение Алены Игоревны.

Алена презрительно усмехнулась. Предложение было настолько заманчивым, что перед ним не устояли ни отсутствующие у Толи принципы, ни давно пропавшие амбиции, ни растраченное достоинство. Не отметились в этом противостоянии и парламентарии из Государственной думы вкупе с городскими законодателями. И те и другие прекрасно помнили, кто выделяет им квартиры и по каким ценам они выкупают у города жилье для родственников и друзей. Пожалуй, только их лояльность была надежно куплена, а молчание так же надежно обеспечено.

В дверь тактично постучали.

– Обед готов, Алена Игоревна.

Алена кивнула.

Она бы беспокоилась намного меньше, но в ее проблемах все время чувствовалось чье-то враждебное участие... постоянно! Особенно в осажденном со всех сторон милицией Жгутове. Алена давно чуяла, что без Козина там не обошлось.

«Нет, без помощи Игоря с ним уже не управиться...»

Наставники

Молодцеватый, несмотря на годы и седину, полковник Знаменцев оглядел «поле битвы». Технический прогресс добрался и сюда: посчитавшие себя победителями, осажденные жгутовцы проснулись, оказавшись окруженными бетонным забором. Ограждение возвели за ночь турецкие труженики сабуровского строительного фронта, а к восходу солнца подтянулись и свежие милицейские силы.

– Гулько, Пятаков! – решительно подозвал подчиненных Знаменцев.

– Да здесь мы, здесь... – Многоопытные офицеры неторопливо приблизились к командиру.

– Я вас для чего взял? – задал риторический вопрос Знаменцев. – Чтобы помогли необстрелянным бойцам. Научили...

– Чему учить-то, Пал Палыч?! – рассмеялся Гулько. – С бабами воевать?

– Не воевать и не с бабами! – отрезал Знаменцев. – Порядок поддерживать. Зону оцепить. Силы распределить. Ситуацию контролировать. Наладить взаимодействие. Вы же боевые парни! Помогите хлопцам.

Знаменцев еле сдерживал свою долго копившуюся неприязнь к этим двум брагинским деятелям, давно уже находящимся у него под подозрением. Всем участникам разговора

было ясно, какие чувства они испытывают на самом деле по отношению друг к другу. Но... не пойман – не вор. Да и подчиненные, хоть и были порядком развращены безнаказанностью, тоже старались не перегибать палку, чтоб не хлопнула другим концом – по должности. Гулько и Пятаков переглянулись.

– Это можно, помочь-то.

– Ясен перец, сделаем, Палыч!

Они снова переглянулись и двинулись к автобусам с ОМОНОм. На первом зеленела надпись «Ростовский отряд», на втором виднелись слова «Барсы Осетии».

Знаменцев проводил оперативников неприязненным взглядом, отметил, как от автобусов потянулись в разные стороны живые цепочки солдатиков в камуфляже, и с шумом выдохнул. Он тоже, как и Алена Игоревна, чуял за всем этим «демократическим волеизъявлением» наивных жгутовских жителей чью-то недружественную и весьма тренированную на подставах руку.

«Может быть, это и Козин...» Петр Владиленович имел достаточно обширные связи, чтобы устроить неприятность кому угодно. По крайней мере, когда в районе внезапно активизировались скинхеды, а за месяц было совершено пять весьма дерзких нападений на гастарбайтеров, строительство Ледового дворца и Дворца Музыки приостановилось. Двое убитых и восемь тяжелораненых – это было чересчур.

Понятно, что таджикам деваться было некуда – они бы-

ли обречены, преодолевая ужас, по-прежнему идти и вкалывать. Забастовали справедливо полагающие, что скинхеды бьют не по паспорту, болгары и турки – рабочая сила весьма квалифицированная и знающая себе цену. В результате «таджикские» стройки Козина работали, а «турецкие» и «болгарские» стройки Сабуровой встали.

Знаменцев вспомнил фотографию с полутора сотнями писающих таджиков и невольно рассмеялся. Алена Игоревна дала достойный ответ, а главное – что полковнику милиции нравилось более всего – джентльменский, без вовлечения в уголовное дело недоразвитых мальчишек со свастикой вместо мозгов.

Твари

Уже через четверть часа Козин знал, что строительство его гипермаркета в который раз приостановлено.

– Ну, твари... – метался он по кабинету, – думаете, и это вам сойдет с рук?

Положа руку на сердце, пока супружеской паре, состоящей из Игоря Луценко и Алены Сабуровой, с рук сходило все. Едва, помимо традиционной рабочей силы из Туркмении и Таджикистана, в городе появились турки и болгары, Козин потерял почти треть клиентов. Собственно, убытки терпел весь мелкий и средний бизнес, промышляющий в сфере отделочных и ремонтных работ, занимавшийся вывозом мусора, уборкой территорий и помещений. В перспективе многим это грозило даже разорением.

Понятно, что Козин первым делом поговорил с Брагиным, и многоопытный подполковник впервые отказал:

– Даже не думай, Петя, я уже посылаю своих орлов к туркам – на предмет чего с них можно поиметь...

– И что?

Подполковник невесело хохотнул:

– Ну, пришли Гулько и Пятаков, наехали... все чин-чинарем, как полагается, типа деньги ваши, крыша наша... а турки сразу – Алене ябедничать, а она – в прокуратуру! Сука. Я еле успел пацанов своих отмазать! – Брагин вздохнул. –

Алена себя поймать... ни тебе, ни мне не даст. Мы для нее, извини за откровенность, рылом не вышли.

Козин это и сам уже чувствовал, вот только пути для отступления у него не было – некуда было ему отступить: вся некогда свободная экономическая территория в этом городе была аккуратно размечена и распределена мужем Алены – мэром Луценко.

Глас народа

Совещание прошло нешумно и кратко. Мэр Игорь Петрович Луценко, небольшого роста, но вполне статный, крепкий, плотного телосложения, очень коротко стриженный, со светлыми бородкой и усами и неожиданно грустными умными глазами, кивнул:

– Спасибо. Вопрос исчерпан. Все свободны, – и, подавая пример, поднялся.

Точно так же – прямо и внятно – он поступил сразу после выборов. Когда под утро стало ясно, что выборы с колоссальным отрывом от остальных кандидатов выиграл именно он, Луценко зашел в штаб, устало улыбнулся и сказал:

– Поздравляю. Мы выиграли выборы. Я – новый мэр. Всем спасибо! Все свободны! – Он на мгновение задумался и добавил: – Все уволены!

Надо сказать, результат выборов его несколько не удивил. Луценко привык побеждать. С детства выигрывал школьные и дворовые состязания – хоть в беге, хоть в прыжках, и даже в «классики». Победитель всевозможных олимпиад и спартакиад, отличник и общественник, он просто не знал поражений. Вот и эти выборы он выиграл вовсе не потому, что Кремль был в нем заинтересован, – скорее уж вопреки интересам Кремля.

Ему практически некогда было заниматься предвыборной

агитацией. Не было времени, желания, средств и навыков. Но Луценко как-то не беспокоился, да и Алена сказала, чтобы он не волновался и ничего не предпринимал «искусственно».

Игорь Петрович подошел к зеркалу, поправил галстук и улыбнулся. Она так и сказала – «искусственно». Он даже не стал переспрашивать, что это значит, – жену он прекрасно знал и чувствовал: она права. Тем более Игорь Петрович любил общаться с людьми. Так быстрее можно понять настроение твоих избирателей. Для того чтобы вывести настроения электората, поболтать на отвлеченные темы, не оставаясь обязанным собеседнику и не отбирая у него «честного слова» сохранить все высказанное в тайне, придумали таксистов и частных извозчиков. Поскольку государство до сих пор так и не смогло создать гибкой, понятной и прозрачной системы частного извоза, «бомбилы» по-прежнему не стремятся вставать на учет, платить налоги и подавать свои декларации. Напротив, их вполне устраивает наличная оплата, неучтенные рублики и ненормированный рабочий день. Чтобы попасть в мир мелкого нала и откровенных, ни к чему не обязывающих бесед, нужно лишь поднять руку. Игорь Петрович так и сделал. Моментально возле него затормозили сразу двое «Жигулей»: зеленые и белые. Причем белые остановились чуть позже и слегка сдали назад, оказавшись таким образом ближе к голосующему пассажиру. Водитель зеленых нажал на клаксон, пытаясь отпугнуть нахала. А на-

хал из белой «шестерки» протянул руку и приветливо открыл дверцу. Луценко давно не ездил на таких моделях, но салон почему-то манил его таинственным образом, и он нагнулся к водителю. Им оказался ничем не примечательный дедок, а может, вовсе и не дедок, но именно так Луценко захотелось его назвать. Дедок был лысоват и седоват. Брюки, рубашка в клетку, кожаная курточка и профессиональный разговор:

– Куда поедет, командир? Садись, садись, а то этот козел сейчас усрется! – он кивнул на злобно сигналящего сзади водителя зеленой машины. Тот искренне считал, что первым увидал клиента, а следовательно, имеет на него большие права, чем дедок. Старичок дал по газам, и машина, жалобно взвизгнув, выскочила на проспект. – Вот ведь бараны! Накупили прав! Ездить научись, баран! – обругивал дедок всех проезжавших, стоящих и обгоняемых водителей. Они не отвечали. Просто потому, что не слышали. Луценко кашлянул:

– Простите, но вы вроде так и не услышали, куда мне ехать.

Дедок хитро глянул на Игоря и усмехнулся:

– А по мне, коли приличный человек, так катайся хоть целый день. А куда ехать – мне все одно! Город я этот изъездил вдоль и поперек, будь он неладен!

– А что, вам не нравится город? – Луценко решил воспользоваться общением с электоратом и подсобрать инфор-

мации.

– Да что там город! Жизнь – копейка, смерть – полушка! Выпьем, милая подружка! Город-то неплохой, а вот с начальством не везет! То один придет – пьянь пьянью. Роздал всю землю, недвижимость своим холоуям и родственникам. То другой налетит как монголотатар. Пограбит, порастащит казну – и снова в бега. Тьфу! – он сплюнул под ноги. Не зло, а как-то обыденно. Видимо, разговор этот заводил не в первый раз.

– Ну а что же, по-вашему, нужно сделать в городе? Чтоб жить-то лучше стало? А?

– Что? Так понятно что – перестать воровать! Вот что!

– Ну хорошо – допустим, с воровством покончено. А что дальше-то делать?

– Эк ты хватил! С воровством, милый мой, не покончишь ни-ко-гда! Да! Вот так-то. Так что «потом» этого твоего не будет вовсе! – Дед лихо сделал правый поворот, и тут Луценко вспомнил, что опять забыл назвать конечный пункт своего пути.

– Мне, пожалуйста, к мэрии. К администрации.

– Это можно! Ты что, тоже жалобу везешь или в партию их решил вступить? – Он косо оглядел с ног до головы Луценко.

– Да нет, я по другому вопросу. По личному. – Игорь не хотел врать и в то же время не склонен был раскрывать перед первым встречным «бомбилей» всю правду.

– А-а-а! Я так и думал! Правду решил искать? Не надейся! Нет ее там!

– Вот как?! А где же она, правда-то?

– А кто ее знает! Жизнь – копейка! Судьба – злодейка! Правда – что твоя телогрейка! Тебя с трудом греет, а остальные нос воротят!

– Странная философия у вас. – Луценко пожал плечами. Этот доморощенный Эзоп говорил загадками да прибаутками, а толком подсказать что-либо не мог.

– Э-э-э, нет, уважаемый. Философиям мы не учились. Мы жизни учимся и жизнью ученые.

– Так у вас жизнь – копейка! – парировал Игорь.

– Так и есть! Моя жизнь что? Копейка. Государство меня раздавит и не заметит. Так, еще один таракан. И заживем мы по правде и по-человечески.

– Ну а когда же это случится, по-вашему?

– В том-то и беда, уважаемый, что никогда!

– Ну вот, опять вы не отвечаете на вопрос. Так проблему не решить. Вы должны не просто говорить: «плохо, плохо, плохо», но и предлагать свое решение. – Луценко завелся и теперь не хотел уступать этому демагогу.

– А я кто такой? Кто? Чтоб решать эти проблемы? Так себе, букашка-какашка! Я тебе могу насоветовать. Так ты же потом меня и сгноишь! Я и на выборы-то не хожу, и телевизор не смотрю. Волшебный фонарь! Тьфу! Чернуха-порнуха! Да бесконечные уря-уря. Противно!

– Вот видите, вы на выборы не ходите, а потом жалуетесь, что власть в городе плохая. А кто же ее выбирать будет?

– А разве ее выбирают?! – Дедок, то ли серьезно, то ли издеваясь, заохал: – Ох-ох-ох! А я-то думаю, что же все какое-то жулье выбирают! А то, оказывается, из-за меня! Вот же голова садовая! Жизнь – копейка! Ай-яй-яй!

– Ну хорошо, голосовать или не голосовать – это ваше право! А почему телевизор не смотрите?

– Ух! Телевизор! Одно название – те-ле-ви-зор! После НТВ смотреть противно!

– В каком смысле – «после НТВ»? – не понял Луценко выражения водителя.

– А в том смысле, что после! Не до, а после! Чего ж тут не понять-то! Была себе четвертая программа как программа! Нет, на тебе! Мне же все равно, кто там был, Гусь, или Чиж, или еще какой хмырь! Я правды хочу! А ее нет. Вот потому и жизнь – копейка. А смотреть противно!

– Понятно. Значит, голосовать не ходите. Телевизор вас не устраивает. Правды нет, жизнь – копейка.

– Так и есть! – с удовлетворенным видом кивнул дедок.

– Ну а если, предположим, вам дали бы возможность. Ну, предположим! В городе что бы вы сделали?

– Если бы да кабы! – усмехнулся дед. – Я бы в городе порядок, положим, не навел бы! Ну, а что менять нужно? В городе? Да понятно что. Вот чего строить эти дороги без конца?

– То есть как? Не надо строить?

– Так дороги если уж строить, то самые лучшие и современные. Вон, меня в прошлом году моя дочка возила в Финляндию и Швецию. На автобусе. Так там же – а-ах! Мама дорогая, елочки-сосеночки! Асфальт с подогревом. Дорожки правильной формы. Чтоб вода, значит, не внутрь стекала, а наружу. По обочинам. Дороги не перекаладывают каждый год. Не можем сами? Тогда плати, Иван, за науку! Как царь-батюшка Петр велел. Он понимал, что нашего брата не заставишь и не обучишь так просто, вот и посылал учиться за рубеж. А к нам привозил их мастеров, чтоб нашего брата здесь учили. Так вот и прорубил это самое окно в Европу. А большевики-вшивики потом его закрыли. Да еще и законопатили и заклеили! И ставеньками прихлопнули.

– Ну сейчас-то грех жаловаться! Вон и вы съездили в Скандинавию.

– Съездить-то съездил. А мне кажется, что это мне съездили. По всей моей рязанской морде! – Дед закачал головой и вздохнул: – Один деятель ваучерами всю страну обложил. Обокрал и рад. Другой – пропил все на свете. Третий – телик отобрал. Что четвертый сделает – непонятно...

– Ну, вы опять отвлеклись! Что в городе делать?

– Ага! Дальше, значит, всех черных, конечно, из города надо гнать.

– Их-то за что?

– А за то, что не любят они наш город! Набрали «поми-

дорных рыдванов» и гоняют как подорванные! С дороги точно убрать надо. Права покупают! Бараны!

– Так! А дальше?

– Слушай, мил человек! Дальше, дальше. Вот ты заладил! Чего меня-то спрашивать?! Ты выбери приличного человека. В смысле избери!

– Вы же против выборов!

– Ну, или назначь! Один перец! Если приличный, не бандит, не тряпка, не вор, не хапуга, то пусть правит. Лишь бы людей не забывал.

– Ну а сейчас за кого бы голосовали? – Игорь Петрович пошел на хитрость, дабы выведать настроение пассивного избирателя.

– Я-то? Я бы за этого, нового. За Петровича! Говорят, он мужик хороший, внушает доверие. Вроде не вор! Хотя точно не знаю. Для меня тот, кто во власть пошел, – там и пропал. По определению! Власть – чтоб воровать всласть. Но голосовать все одно не пойду! Испорчу человека, а потом мучайся всю жизнь!

– Как же это – испортите?

– Да так. Вот выберут его. Честного такого. А там ведь надо не только брать, но и делиться. А он не сможет ни брать, так как вроде и так все есть, ни отдавать, так как честный, и чего ему отдавать-то?! Ну и те, которые не получают того, чего он должен бы отдавать, они его и загонят за Мо-жай! А я потом переживать буду. Поверил, избрал. А моего избран-

ника сажают! О как! Нет! Не пойду!

– Ясно! Опять все свелось к выборам. Но вы же не ходите на выборы! Так что спите спокойно. Пусть другие голосуют.

– Эхма! Да кабы денег тьма! Голосуй – не голосуй... – водитель замолчал.

– Ну, вот мы и приехали. Спасибо, что подвезли. – Луценко расплатился. Он даже не стал торговаться. Подобные дедки никогда лишнего брать не будут. Несмотря на то что они налоги не платят, их можно все же назвать честными извозчиками.

Чистка

– И горь Петрович, обед привезли, – осторожно приоткрыл дверь помощник. – Заносить?

Лущенко, разрешая, кивнул.

Этот победный характер и привлекал к нему людей, ведь ничто так не сопутствует успеху, как успех. Но вот задерживались возле него немногие.

Сложная натура сделала его одиноким. Впрочем, и это Лущенко оборачивал на пользу дела, а потому и начал работу хозяина города с чисток.

Приходившие в кабинет градоначальника по очереди замы, помощники и другие ключевые работники мэрии покидали здание администрации с постными или злыми лицами. Отставку получили почти все.

Разумеется, Игорь Петрович понимал, что делает. Многих из уволенных он знал еще по депутатской работе в округе. Так, руководитель строительного департамента, 80-летний Иосиф Давыдович Кейсин, несмотря на многократные заверения – все три года подряд, так и не помог депутату Лущенко дать жилье многодетным избирательницам и ветеранам труда. Бесконечные совещания, в которых утопали все здравые идеи и начинания, доводили Игоря Петровича до белого каления. Напротив, заслуженный строитель Кейсин, дремавший с открытыми глазами, мог выслушивать пустые от-

четы таких же никчемных, как и он сам, подчиненных круглые сутки. И ничего...

Единственным исключением были заседания с участием супруги будущего мэра Алены Игоревны. С тех пор как она с производства бумажных салфеток, туалетной бумаги и одноразовой посуды переключилась на строительство, ее посещения административных совещаний отличались регулярностью и эффективностью. Она таки заставила Кейсина уделять особое внимание своим обращениям и неизменно получала все необходимые согласования.

Игорь Петрович подобными успехами похвастать не мог. Он даже не построил обещанный ветеранам дом престарелых! Что уж там говорить о надеждах обманутых такими, как Кейсин, соинвесторов... И, разумеется, Иосиф Давыдович был с почетом отправлен на заслуженную еще в прошлом веке пенсию – одним из первых. А за ним последовали и остальные – целых двенадцать человек!

Да, у такой кадровой чистки, или даже скорее зачистки, был и невидимый, крайне опасный эффект. Каждый чиновник, занимавший мало-мальски значимую должность, был чьим-то ставленником. Начальник департамента торговли в свое время внедрился в руководство города по протекции владельцев крупнейшей в городе сети продуктовых магазинов «Континент вкуса», – несмотря на яростное противодействие конкурирующих «Седьмого элемента» и «Перехода».

Руководитель народного образования Лидия Ревзина бы-

ла плотно завязана на частные школы, с одной стороны, и на министра народного образования страны Аркадия Мурзенко – с другой. Опытный организатор, она неплохо справлялась и, лавируя между низами и верхами, умудрялась быть и заботливым наставником, и доходным подчиненным. Не был забыт и мэр, а точнее мэры, коих за свой век она пережила аж троих! И только Луценко не углядел в ее услугах отечеству ровно никакой пользы и неожиданно назначил на столь проблемное место никому прежде не известную учительницу.

Пожалуй, Галину Ивановну Усачеву – скромную интеллигентную женщину – можно было счесть образцом педагога, но кое-кто знал больше: именно она была первой учительницей нового градоначальника. И, похоже, это значило в глазах Луценко намного больше, чем наличие административного опыта.

Ну, а глава комитета внутренней политики вообще был уволен только лишь за то, что посмел спросить нового мэра, кому и какие предпочтения он будет оказывать в своей политической деятельности. Поддерживать партию власти «Единую Россию», помогать «Справедливой России» или опираться на коммунистов, традиционно пользующихся популярностью в городе и области.

И только Роберт Шандорович Сериканов, зам по правовым вопросам, пережил сметающую все на своем пути «новую метлу». Но только он один знал, чего ему это стоило.

Кабинет

В чем-то Роберт Сериканов даже сочувствовал новому мэру. Обживать новую квартиру всегда сложно. Особенно если до вас кто-то уже пропитал ее своды, стены и атмосферу своей энергетикой. Занимать кабинет предшественника еще более опасно. Особенно если в нем еще витает аура предшественника, бывшего не в ладах с уголовным кодексом.

Уже отобедавший Роберт Шандорович прошел в свой собственный кабинет, полистал теряющие значение прошлогодние документы и усмехнулся. Прежний мэр не освобождал насиженное рабочее место, его выжали из администрации и города. Он растворился в бескрайних просторах Вселенной, подав с полгода назад прошение об отставке в обмен на прекращение органами проверки заявления о взятке. Да еще и в особо крупном размере... благо по отечественному уголовному кодексу сто тысяч «деревянных» – это уже особо крупная мзда. Не получив обещанных дензнаков и не удержав власти, градоначальник отделался быстрой заочной отставкой. Роберт помнил, как это было: он и поспособствовал компромиссу – через Брагина, разумеется.

Он же разрешал и первый крупный конфликт нового мэра Лущенко – за его же собственный кабинет.

Понятно, что полгода безвластия сказались и на здании мэрии: лестничные площадки превратились в общественные

курилки, а пустующий кабинет мэра на пятом этаже, слишком роскошный для и.о., отдали министру юстиции под общественную приемную. И понятно, что мэр первым делом вознамерился вернуть себе именно его.

Пятый этаж вообще был гораздо просторнее и светлее других этажей – этакий пентхауз мэрии. Даже не видя бумаг, по которым кабинеты отошли Минюсту, Луценко решил без промедления перебраться именно в это помещение. Оно как раз отвечало амбициям нового градоначальника.

Сериканов сразу предупредил Игоря Петровича, что, перед тем как забрать кабинет, его последнего хозяина – министра – неплохо бы известить, лучше, если при личном телефонном разговоре. Луценко нехотя согласился, но... послал извещение почтой. Ясно, что в тот же день Роберт уже стоял перед министром.

– Яков Юрьевич, – разводил руками Сериканов, – он не захотел смотреть в документы. Я его предупреждал, но он ни в какую! Зашел, увидел и сел.

Министр осуждающе покачал головой.

– Если он так и дальше будет вести дела, то рано или поздно действительно сядет, – двусмысленно пошутил он. – А что, оспорить изъятие кабинета нельзя?

– К сожалению, господин министр, мэрия может расторгнуть договор в любой момент. Таков закон города. Конечно, если вы своим авторитетом надавите... – Роберт сделал многозначительную паузу.

Министр недовольно поморщился:

– Не буду я ни на кого давить. А Лущенко за свое самоуправство ответит – так или иначе.

Угроза не была пустой. Министр мог многое, например «ответить асимметрично» и приостановить строительную лицензию Алены Игоревны. Это Роберта Шандоровича интересовало прежде всего. Тем более что скрыть свое участие было проще простого. Ведь в первые же полгода новый мэр нажил столько врагов, что нанести решающий удар мог кто угодно.

Дверь распахнулась, и Сериканов поднял глаза. На пороге стояла Луиза – сосланная Игорем Петровичем в канцелярию бывшая секретарша бывшего мэра.

– Роберт Шандорович, слышали новость?

– Что там еще? – насторожился Сериканов.

– Сабуровских туток по больницам развозят – массовое отравление.

Чай

Несмотря на исторический факт, заключающийся в том, что чай придумали китайцы, эту теорию активно оспаривают индийцы, англичане, россияне, туркмены и многие другие любители золотистого напитка. И только турецкие гурманы не спорят, а пьют, пьют, пьют...

Алена Игоревна, так и не успевшая пообедать, стояла во временном турецком офисе – на четвертом этаже почти завершенного небоскреба. Вся стройка была забита машинами «Скорой помощи», а машины – турками. Кого тащили на носилках, кого волокли под руки, и более всего строительный пейзаж напоминал батальное полотно «Штурм Измаила».

– Почему турки думают, что это чай? – повернулась она к оперативникам.

Оторванные от задания по осаде Жгутова опера Гулько и Пятаков, в этом районе, как сказал подполковник Брагин, самые опытные, переглянулись.

– Они говорят, что больше никаких новых продуктов не завозили... – произнес Пятаков. – Но мы так считаем, это крысиный яд. У них с полгода назад на складах крыс травили.

Алена нахмурилась. Версия была правдоподобной, но и с мнением турок она не считаться не могла.

– А кто все-таки чай завозил?

– Неизвестно, – покачал головой Гулько. – Повар мог знать, но он одним из первых сознание потерял.

Алена задумалась.

– Кто еще может быть в курсе? Прораб? Мастера? Рабочие?

Гулько и Пятаков дружно замотали головами.

– Кроме повара, деталей никто не помнит.

– А что они еще говорят?

Оперативники снова переглянулись.

– А что они могут сказать? Им не до того...

Алена Игоревна сдержанно кивнула и двинулась к лестничному маршу, поднялась на этаж выше и толкнула дверь:

– Merhaba, Ertan...

Представитель проектировщика, высокий рыжий турок обернулся.

– Здравствуйте, госпожа Алена.

– Что скажешь? – кивнула в сторону окна Алена. – Чья работа?

Турок помрачнел.

– Повар успел сказать, недавно ваши полицейские приезжали... мир предлагали...

Красиво изогнутые брови Алены Игоревны подскочили вверх.

– Мир? Полицейские? Уж не те ли менты, что крышу навязывали...

Турок кивнул.

– Те самые. Двое. Они этот чай и привезли. Хороший чай. Настоящий. У нас давно такого не было.

Алена стиснула зубы. Описание этих двоих у Брагина было, толку от этого описания не было: для турка все европейцы не то чтобы на одно лицо, но где-то рядом...

– Ноюзa kabn¹... – кивнула она, развернулась и двинулась к выходу.

– Gble gble², – вздохнул вслед Алене Игоревне турок, но она уже ничего вокруг не слышала – на ходу набирала номер облздрава.

– Петр Никодимыч, это Сабурова. «Скорая» не справляется, больницы забиты. Давайте к вам, в область, турок отпавлять...

Глава областного здравоохранения принялся возражать, но Алена не уступала:

– Их уже более тысячи... а ну как начнутся смерти? Я же говорю, нет в больницах ни столько свободных коек, ни столько свободного персонала! Просто нет! Мне что – на министра выходить?

Петр Никодимович снова возразил, но уже не так уверенно.

– Я, со своей стороны, помогу больницам всем необходимым, – твердо пообещала Алена. – Вы меня знаете. Фармацевтика, приборы – все, что хотите...

¹ До свидания (*турецк.*).

² До свидания (*турецк.*).

Петр Никодимович пробурчал что-то, но Алена уже знала, что победила.

– Ну, и договорились.

Алена сложила телефон и двинулась вниз по лестнице. Была еще одна причина, по которой турок лучше было вывезти в область, – статистика.

Обрушивать мужу показатели работы горздрава из-за этого инцидента она не желала. И, конечно же, во избежание слухов – это массовое отравление следовало считать не терактом, а эпидемией – вирус это или палочка, пусть решают сами.

«Ну, что же... – подумала она, – на сегодня у меня осталось одно дело... Давай, Вася, не подведи!» Хотя, если честно, испортить данное брату поручение было немыслимо.

Родственник

«Тому звезда, а этому местечко. Ну, как не порадеть родному человечку?!» – так сказал классик про особенности российского построения во власти и бизнесе. Когда в рамках одной семьи встречаются интересы государственные и частнопредпринимательские, победителем, как правило, выходит бизнес. В наше время мы видим массу примеров, как даже самые известные политики, считающие себя поборниками демократии, не избежали соблазна создать семейно-государственные бизнес-структуры. Бывшая вице-премьер обеспечивает сына хлебным постом вице-президента банка, премьер устраивает сыновей поближе к природным ресурсам и деньгам, жены министров в лучшем случае образуют фонды и ассоциации, в которые сливаются откаты в виде пожертвований. Новая форма семейно-государственного бизнеса в рамках одного субъекта федерации была придумана вовсе не в семье Лущенко-Сабуровых. Но именно Алене Игоревне удалось наладить идеальную, как часовой механизм, работу этой структуры.

Несмотря на природную смекалку, деловую хватку и настойчивость, Алене было вовсе не легко управляться с уже разросшимся производством. На Игоря рассчитывать она не могла, так как мешать мужу вести государственные дела и вмешивать его в коммерческие было бы непроститель-

ной стратегической ошибкой. Ее планы простирались гораздо дальше. Она вполне могла себе представить мужа в кресле премьер-министра, а если поднапрячь фантазию и прибавить к ней амбиции, то Игорь вполне ясно смотрелся за президентской трибуной где-нибудь в Георгиевском зале Кремля. Но в ее собственном бизнесе положиться, к сожалению, было практически не на кого. Ближайшим по родству доверенным человеком, кроме Игоря, был ее родной брат Вася с необычным семейным прозвищем Пол-Ален.

Василий Игоревич Сабуров гордился и своей семьей, и родословной, но особенно – положением сестры. Он искренне любил ее, а потому защищал от дворовых мальчишек, пока Алена не выросла и не начала сама лупить их налево и направо. А потом они переехали, и в новом дворе уже ей приходилось защищать Васю. Во многом он сам был виноват: били его за неумное хвастовство и вранье. Нет, Вася не сдавался и мстил тем, что, высунувшись по пояс из окна квартиры, обзывал обидчиков последними словами и грозил скорой и страшной расправой. Ясно, что его нечастого появления во дворе ждали с особенным удовольствием. Вот тут на защиту и вставала сестра, ярости которой боялись даже старшие пацаны.

Примерно тогда отец и назвал его как-то Полуаленой, а затем и Пол-Аленом, имея в виду, что Вася едва ли тянет на большее, чем на половину своей сестры. Кличка приклеилась и многократно оправдывалась: и в том случае, когда

он кое-как окончил школу, и в том случае, когда 12 лет скитался по вузам столицы. А однажды, когда Вася уже повзрослел, это странное прозвище даже понравилось его обладателю. В тот раз секретарь Тонечка забыла на его столе журнал «Форбс». Вася, не любивший печатного слова с детства, нечаянно глянул на страницы этого «инструмента капиталиста» и... обнаружил своего тезку! Статья называлась «Билл Гейтс и Пол-Ален разделили бизнес».

Его удивление побороло даже нелюбовь к чтению, и, когда он осилил статью, оказалось, что его полный тезка и есть всегда державшийся в тени истинный автор всех творений известной компании. Новое представление о мироздании выстроилось мгновенно: он – Пол-Ален, Алена – Билл Гейтс.

Она – витрина, визитная карточка, обложка, а он – мозг, душа и сердце корпорации.

Да, сути их отношений это не меняло, но вот жить и дышать сразу стало легче. А уж когда Алена стала доверять ему всякого рода мероприятия, самооценка Пол-Алена выросла как раз настолько, чтобы забыть о позорном происхождении клички и ощутить себя, а затем и начать выглядеть серьезным и успешным – настоящим Полом Алленом. Большого от него сестра и не требовала.

При таких природных данных Пол-Алена сестре приходилось держать брата на коротком поводке, однако и его она сумела сделать полезным. Каким бы ни был никчемным братец, она дала ему долю во всех компаниях громадного хол-

динга. Родной старший брат Алены Сабуровой полноправно и безраздельно владел аж ОДНИМ процентом всех акций и именно поэтому с успехом исполнял роль официального лица везде, где это ему было по силам – вот как сейчас.

Переговоры

Когда адвокат Артемий Андреевич Павлов вместе с группой стильно одетых, по-деловому серьезных норвежцев прошел в переговорную, Пол-Ален уже сидел во главе стола. Даже от двери было видно, сколь сильно он потеет – то ли из-за нездоровья, то ли от осознания возложенной на него ответственности. Первый вице-президент норвежского ТЕТРА-КАПа с непроницаемым лицом пожал его скользкую ладонку, остальные же, пользуясь тем, что стояли чуть дальше, кивнули и натянуто улыбнулись. Переговоры можно было считать открытыми.

Павлов достал из портфеля ноутбук и две огромные папки бумаг и широко улыбнулся официальному представителю Сабуровой:

– Мы очень рады, что Алена Игоревна согласилась рассмотреть предложения компании ТЕТРА-КАП по созданию совместного производства в России.

– Ага, – как всегда немногословно отозвался Пол-Ален.

– Вполне естественно, что данный вопрос при подтверждении полномочий может быть решен в данном составе.

– Угу.

– То есть вы, господин Первый вице-президент, уполномоченный госпожой президентом Сабуровой...

– Эге.

– ...и Первый вице-президент компании ТЕТРА-КАП господин Нильс Йоргенссен, уполномоченный Советом директоров холдинга...

Названный Павловым высокий худой господин с лицом викинга слегка поклонился. Павлов, уже взявший на себя роли председательствующего, переводчика и адвоката, продолжил:

– Мы предлагаем изучить наши предложения, изложенные в настоящем контракте...

Пол-Ален вытер верхнюю губу, послунывил палец и принялся листать исписанные мельчайшим шрифтом страницы контракта.

«Нет... не понимает...» – с некоторым удивлением отметил Павлов.

Он уже слышал от коллег, что Василий Сабуров на вопрос о знании иностранных языков с гордостью отвечает – «три: английский, русский матерный и немецкий», но всерьез не владеет даже родным матом, а из немецкого знает одно: «По-немецки цапки-пецки, а по-русски бутерброд!» Пол-Ален даже не помнил, что фраза принадлежала беспризорнику по кличке Мамочка из фильма «Республика ШКИД».

Итак, пролистав, а точнее, заслунявив листы договора, Пол-Ален поднял договор правой рукой, а в другую руку захватил второй экземпляр. Так, превратившись в некую пародию Фемиды, Пол-Ален недолго балансировал контрактами, изображая весы, а затем плюхнул документы на стол.

– Эй, адвокат! Павлов! Там же все правильно написано? Как договаривались?

Артем тряхнул головой. Если честно, то наивный вопрос Первого вице-президента гигантского холдинга с многомиллиардными оборотами застал его врасплох.

– Да вроде как ошибок нет. Может быть, вы хотите отдать его на изучение вашим юристам или в международный отдел?

– Ну-у-у... – Пол-Ален сморщился, как от проглоченного лимона, – чего там еще изучать?! Юристы эти вечно все запутают. А мой зам по международным вопросам сейчас в командировке. В Турции. Хе-хе-хе. Укрепляет турецких товарищей и особенно гражданок. Там есть, я вам скажу, заведение... Девочки – просто класс...

Артем обмер.

«Слава богу, норвежцы ни слова не понимают! – подумал он; так стыдно за своих соотечественников ему не было никогда. – Ну, и зачем Сабурова подсунула его на эти переговоры?»

– Если вы готовы и доверяете нашей стороне, – осторожно предложил он, – то мы можем дать вам еще время на ознакомление с договором. Объявим перерыв и соберемся для обсуждения и подписания чуть позже. Ну, скажем, через пару часов.

Павлов знал, что ровно через два часа В. И. Сабуров должен восседать на восточной трибуне в VIP-секторе городско-

го стадиона и орать во всю силу своих легких, болея за любимый «Спартак». У Павлова тоже лежали два билета на матч, присланные товарищем из попечительского совета «Спартак», однако такой ответственности, как на Сабурове, на нем не висело.

– Э! Не-а! Не пойдет, – возразил Пол-Ален. – Подписываем сейчас и здесь.

Он схватился за контракт так, словно его собирались вырвать и навсегда отобрать. Тут же стал листать и судорожно подписывать в местах, где предусмотрительные секретари вклеили цветные полоски, отметив место подписи и место инициалов для парафирования соглашения. Закончив подписывать, в то время когда норвежцы еще и не начали, схватил второй экземпляр и торопливо повторил процедуру. Захлопнул подшивку, вскочил из-за стола и побежал пожимать руки.

«Мама родная! – только и подумал Павлов. – Видела бы это Алена!» Не менее адвоката потрясенные таким успехом переговоров, норвежцы так же торопливо кинулись принимать поздравления Пол-Алена, но тот уже замер напротив Павлова.

– А можно вопрос?

Артем сосредоточился. Сейчас и следовало ждать какого-нибудь тонкого, загодя просчитанного Аленой Игоревной подвоха.

– Конечно.

– А вот та тетка, что крокодила стащила у мужа, помните? Ну, у вас по телику в «Зале суда». Она вот настоящая была, что ли?

Артем качнул головой:

– Как вам сказать? Дело абсолютно реальное. Крокодил живой. Женщина настоящая. Мужчина тоже.

– Ух ты! Ну, а кому крокодила отдали-то в итоге?

«Неужели его только это и заинтересовало?»

– Крокодила конфисковали в пользу государства за жестокое обращение. Передали в зоопарк. Мужчина и женщина развелись окончательно.

– Классно!

На лице Василия Игоревича Сабурова читалось искреннее восхищение, но вот только что подписанного контракта оно не касалось. Многомиллиардное дело сестры его ни в коей мере не трогало.

Супруги

Игорь Петрович вернулся домой к одиннадцати часам ночи – на четверть часа раньше Алены. Не терпящим возражений жестом отказался от ужина, так же молча, кивком, отпустил домработницу Татьяну и полез под душ.

Невероятная по жути и масштабам история с отравленными турками словно отравила и его – настолько, что сама мысль о стройке, иностранной рабсиле, возможном участии Козина в отравлении, неизбежных убытках или еде, казалось, могла вызывать рвоту. Он готов был думать о чем угодно, но не об этом!

И все-таки возвращаться к этой теме пришлось – едва Алена вернулась домой из офиса.

– Игорь! Ты дома?

Луценко выключил душ.

– Да, Аленушка...

– Слушай, тебе не кажется, что в городе пора навести порядок?

«Ого, как взвинчена!» – отметил мэр.

– Ты об эпидемии?

В администрации города массовое отравление почти сразу начали называть именно так – во избежание ненужных толкований.

– Нет. – Алена стукнула в дверь. И он повернул защелку

и, обернувшись полотенцем, вышел – супруга была в ярости: лицо бледное, глаза сверкают.

Он ее такой обожал.

– Я о козинских киосках, – сказала супруга.

«Лучше бы ты о нашем ребенке почаще думала... – вздохнул мэр, – вдруг мысль и впрямь станет реальностью?»

– Не вздыхай, – гневно сверкнула глазами Алена, – у тебя все документы готовы. Сколько можно терпеть эту помойку?!

Лущенко обнял ее за талию и прижал на мгновение к себе. Алена буквально полыхала, он это чувствовал так же, как рука над костром чувствует вмятые толчки огня.

– Сделаю, Аленушка. Завтра же и начнем.

Отравитель

Петр Владиленович пытался выловить Брагина весь день, однако подполковник так и оставался недоступен, и только поздно вечером, когда Козин заехал в придорожное кафе, эта не слишком желанная для обоих встреча состоялась.

– Твоя работа? – прямо спросил Козин, едва сел напротив подполковника.

– Ты о чем? – сделал отсутствующее выражение лица Брагин.

Петр Владиленович сжал лежащие на белой пластиковой поверхности стола кулаки.

– Я о турках.

Брагин усмехнулся:

– Мы ни для кого исключений не делаем.

Козин поморщился и налил себе водки. Его невыносимо раздражала эта брагинская манера говорить «мы». Сам он, в отличие от подполковника, всегда говорил «я» – пусть собеседник знает, с кем будет иметь дело и кто за все ответит, если что пойдет не так. Но Брагин был другим: он всем своим видом как бы намекал, что за ним по меньшей мере Кантемировская дивизия.

Козин опрокинул рюмку водки.

– Они этого так не оставят. Экспертиза чая сделана, и те, кому положено, все знают.

Брагин тоже выпил.

– А мне по барабану. Турки заартачились, пусть получают.

Козин знал это непреложное правило брагинской крыши: мятежников следует карать – показательно, чтобы ни у кого иллюзий по поводу безнаказанности не возникало. А не накажи турок – система начнет лопаться. Но вот беда – городские сплетники, словно сговорившись, считали отравителем Козина.

– За два часа до этого «чаепития» мой гипермаркет прикрыли, – выдавил он, – ты хоть понимаешь, какие выводы Сабурова сделает?

Брагин рассмеялся:

– Да пусть думает что хочет! А ты, Петя, лучше бы меня поблагодарил. Ты ведь немалую выгоду от остановки ее строек поимеешь. Верно?

Петр Владиленович поджал губы. Брагин был прав: каждый удар по сабуровским туркам – неважно, кто его нанес, – заставлял клиента думать и... выбирать услуги непотопляемого «Козерога», то есть семьи Козиных. Но дело было не в этом. Брагин явно пытался втянуть Козина во что-то свое...

– Я не заказывал тебе турок... – решительно покачал головой Петр Владиленович и встал из-за стола. – Помни это.

– Ты что, дрейфишь? – издевательски хохотнул Брагин, и уже двинувшийся к выходу Козин остановился и развернулся.

– Слушай меня, Брагин, – ненавидяще процедил он, – ес-

ли я начну терять из-за тебя бабки, будешь все разводить бесплатно.

Подполковник побагровел, но Петр Владиленович уже выходил в двери. А тем же вечером, точнее, ночью, к половине двенадцатого, Козин узнал, что неприятности уже начались.

– Мне только что Луценко звонил, – сообщил ему Сериканов, – завтра начнется снос всех твоих киосков.

Орловский

Полковник Знаменцев отправился на улицу Карбышева, как только переговорил с начальником ГУВД.

– Ты, Пал Палыч, лично посмотри, что там и как, – распорядился генерал Доронин, – но я надеюсь, что все обойдется.

Знаменцев не надеялся ни на что. Едва прибыв на Карбышева, он тут же увидел возле обреченных на снос киосков массу взвинченных, жмущихся друг к дружке козинских чоповцев и, само собой, козинского юриста.

– Пал Палыч! – сразу узнал его юрист. – Вы что же это незаконие творите?

– Я? – иронично изогнул бровь Знаменцев.

– Ну, не вы... мэр, – мгновенно поправился юрист. – Это же хлебные киоски! А закрывают их как самые обычные лотки.

Знаменцев рассмеялся и махнул рукой:

– А ну, пошли посмотрим.

Расталкивая плечами чоповцев, подошел к одному из киосков и нагнулся к окошку.

– Девица-красавица, почем у вас буханочка «Орловского»?

– Какого орловского? – не поняла киоскерша.

Знаменцев повернулся к юристу.

– Смотри-ка, нет «Орловского». И на витрине нет. Колу

вижу, сигареты вижу, а хлеба нет.

– Вы в документы гляньте, – расстроился юрист.

– Не буду я никуда смотреть, – уже без напускной веселости отмахнулся Знаменцев. – Вон, Сериканов пусть в них глядит.

Юрист принялся что-то говорить, но Знаменцев уже направлялся к чоповцам.

– Ну, что, орлы, будем оказывать сопротивление силам правопорядка?

Чоповцы сгрудились еще плотнее.

– Мы тоже – силы правопорядка...

– Э-э-э, нет, – покачал головой Знаменцев, – силы правопорядка – вон они. – Он ткнул рукой в сторону ровного ряда поблескивающих щитами омовцев. – А вы, родимые, против них – обычное хулиганье.

Чоповцы обиженно засопели. Вставочку «против них» здесь оценили все.

– Не доводите до греха, – ласково улыбнулся Знаменцев, – вашим против наших и пяти минут не простоять.

СЫЩИК

Если честно, Знаменцев никогда не предполагал, что, кроме следственной работы, ему придется заниматься еще и сносом киосков – ему, родившемуся в семье потомственных детективов: отец – заместитель начальника угрозыска, дед – легендарный сыщик. Бывшая жена двадцать лет проработала в спецчасти МУРа. Сын оканчивает следственный факультет Московского университета МВД. Ну и сам он на оперативной работе больше двадцати пяти лет.

Так что, когда представился шанс перемахнуть через пару ступенек служебной лестницы, Знаменцев некоторое время размышлял – и серьезно.

Понятно, что в конце концов желание получить новые перспективы одержало верх, и понятно, что первое, с чем он столкнулся, так это новые, неизвестные «подводные течения». Первое из них – в виде обаятельной рыжей секретарши – он обнаружил в первый же день в приемной своего непосредственного начальства.

Гены, опыт, знания подсказывали ему, что генерала с этой рыжей красоткой объединяет нечто большее, чем кабинет начальника и приемная секретаря.

Взяв это на заметку – практически машинально, – полковник тут же сделал вид, что увлечен чтением почетных грамот хозяина кабинета, благо их было предостаточно. Президент-

ские благодарности сразу от трех последних глав страны. Министерские, правительственные, общественные и масса других почетных листков покрывали собой целую стену просторного генеральского кабинета.

Ну, а потом пришла пора представляться, и генерал Доронин подошел к нему, похлопал по плечу и крепко пожал руку.

– Молодец, Пал Палыч, что прибыл. С тобой мы теперь наведем порядок. Веришь?

Знаменцев заглянул в прикрытые мохнатыми бровями внимательные глаза генерала и кивнул:

– Ясное дело, Николай Георгиевич, наведем... если очень постараемся.

Они присели за стол, и в тот же миг приоткрылась дверь, и секретарша в юбке с крайне легкомысленным разрезом просеменила с подносом в их сторону. Генералу пододвинула старинный серебряный подстаканник с граненым хрустальным стаканом и как-то особо кокетливо хлопнула ресницами, склонившись к лицу начальника. Генерал с нежностью перехватил ее взгляд и с многозначительным видом кивнул.

«Лучше бы мне этого, конечно, не видеть...» – отметил Знаменцев и, само собой, оказался прав.

– Ну, как тебе моя Юленька? – первым делом спросил генерал, едва рыжая красотка вышла.

Знаменцев сделал простецкие глаза:

– Вы кого имеете в виду, товарищ генерал?

Доронин сердито сдвинул брови:

– Да уж, конечно, не Тимошенко! Не прикидывайся! Ты же все уже просчитал...

Знаменцев улыбнулся, признавая, что раскрыт, развел руками, и генералу явно полегчало.

– Оно и лучше. Не будет дурацких мыслей по поводу моей... – он запнулся, – помощницы.

Знаменцев кротко кивнул, но Доронин сейчас больше нуждался в нем как в слушателе, чем как в будущем подчиненном.

– Юля не просто помогает мне работать, – вздохнул генерал и отвернулся. Он занервничал, и стакан нервно задрезжал в подстаканнике. – Она помогает мне жить.

«Мне только генеральских соплей на жилетке не хватало», – подумал Знаменцев, но Доронин и сам понял, что хватил через край, и тяжело поднялся.

– Ну что, Пал Палыч, принимай дела. Должность у тебя новая, только утвержденная министром, а потому предшественника просто нет. Кабинет займешь соседний, напротив. Там в приемной тебя ждет Марина. Она, конечно, не Юля... – усмехнулся он каким-то своим ассоциациям, – но для работы очень подходящий человечек.

Так оно и вышло. Марина и впрямь оказалась цепким, внимательным помощником, что вовсе нелишне, если у тебя в подчинении все оперативные подразделения и шестнадцать отделов. Но вот «подводные течения»... их здесь хва-

тало за глаза. Никакие Марины не справятся, чтобы вовремя подсказать! А уж когда он погрузился в проблему приведения лоточников к послушанию!..

Знаменцев еще раз оглядел будущее «Куликово поле»: несколько журналистов – там, в закуточке, два-три правозащитника, один достаточно известный адвокат... Кротов, кажется, – и понял, что все они ждут одного: начала силовых действий.

– Не-ет, мы пойдем другим путем! – рассмеялся полковник, – не таким путем надо идти.

Доронин просто обязан был понять, что лучше обойтись без конфликта.

Самолюбие

Это утро у Игоря Петровича началось с конфликта – с прокурором Джунгаровым.

– Вы же прекрасно знаете, что там стоял храм! – пытался объяснить Лущенко. – Да нельзя там светское здание ставить! Потому что нельзя! Можете считать меня суеверным, но однажды пролитая кровь...

Рашид Абдуллаевич разродился встречной тирадой.

– Понимаю, – кивал мэр, – все верно. Дам я вам новое место. Да, рядом со старым зданием удобнее... Да поймите же вы наконец!

И в конце концов пришлось решать вопрос силовым порядком.

– Готовь распоряжение, Роберт, – мрачно распорядился в трубку взвинченный мэр, – да-да, по храму. Что – прокуратура?! Что – министр?! Меня не волнует, что они скажут!

Разумеется, решение было ошибкой, такой же, как и взрывная реакция Игоря Петровича на звонок начальника ГУВД.

– Мне доложили, там не все так просто, – первым делом сообщил генерал. – Козин только и ждет применения силы.

– И что вы предлагаете? – начал закипать Лущенко.

Одно упоминание фамилии Козина приводило его в бешенство.

– Обтяните тротуар возле киосков желтой лентой, – начал перечислять генерал, – поставьте пару экскаваторов, ну, и можно копнуть в двух-трех местах... два дня – и они сдадутся.

И тогда Игорь Петрович взорвался, и понятно, что спустя час ему позвонила Алена.

– Я с Мариной разговаривала...

– Какой Мариной? – не понял Игорь Петрович.

– Моей знакомой из ГУВД... по-моему, они там правильную позицию заняли...

Лущенко угрюмо вздохнул, но прерывать Алену не стал.

– Мне пару экскаваторов подогнать несложно, – мягко ворковала в трубку Сабурова, – и тебе никаких проблем – ни с журналюгами, ни с этими... диссидентами. Ну, что – сам отбой дашь? Или мне...

– Сам, – буркнул Игорь Петрович.

Он умел признавать ошибки – разумеется, тогда, когда их видел, но по самолюбию это все равно било. Ударило и сейчас; и даже после шести часов, когда он, свалив оставшиеся дела на Сериканова, выехал в город, настроение не улучшилось.

Вроде все шло как надо. Возле каждого почти достроенного гипермаркета Алены висели огромные плакаты, поздравляющие жителей города с наступающим Днем независимости. Кое-где уже стояли зазывалы, заранее раздающие горожанам дисконтные карты почти во все отделы гипермарке-

тов Алены. Ну и, конечно, как форма зазывал, так и поздравительные плакаты были выкрашены в фирменные цвета гипермаркетов Алены. Но что-то на сердце легче не становилось.

– Давай-ка к митрополиту, – хлопнул водителя по плечу Игорь Петрович, и, странное дело, едва он увидел Гермогена, внутри стало свободно и легко.

– Чаю, чаю, – сделал широкий жест владыка. – Сначала чаю... все остальное – потом.

Отход

Едва омовцы строим, один за другим, стали бегом грузиться в автобусы, а автобусы – отъезжать, Петр Владиленович понял, что проигрывает. И первым делом он вышел на Брагина.

– Я не понял... что происходит?! Ты же говорил, все решено!

– Сам ничего не понимаю, – неохотно признался Брагин.

– Ты хоть представляешь, чего мне стоило с редакторами договориться?! – почти кричал Козин. – У меня юристы до четырех утра пресс-релизы готовили! И что теперь – все коту под хвост?!

– А что ты на меня орешь?! – взорвался подполковник. – Я тебе буквально все документы процитировал! Против тебя все было готово! Откуда мне знать, почему они отходят?!

А затем подошли ребята в форменной спецовке горводоканала, затем с двух сторон улицы Карбышева подъехали два экскаватора и демонстративно выбрали из тротуара по одному ковшу тяжелого городского грунта, и Петр Владиленович понял, что все кончено. Нет, сопротивляться можно было до бесконечности, но Козин понимал: наступит миг, когда мэрия предъявит ему иск за простой нанятой у Сабуровой техники. Ну, а поскольку ни один суд – в силу врожденного холопства – против Луценко не пойдет, можно было уже пред-

ставить, какую сумму слупят с него по этому иску.

«И что теперь делать?» Ответить равно прямо сейчас ему было нечем. Просто нечем.

– Не-ет... – не соглашаясь с навязанной ему судьбой аутсайдера, покачал он головой, – это вам, Алена Игоревна, даром не пройдет!

Подозрение

Часа через два после того, как полковник Знаменцев дал ОМОНу отбой, на его стол положили донесение агентуры. Источник был свежий, толком не проверенный, но до сих пор вся его информация подтверждалась.

«Между Красавцем и Быком по телефону произошла ссора, – сообщал источник. – Красавец сказал Быку, что не знает, почему ОМОН отвели с улицы Карбышева».

– Зар-раза! – ругнулся Знаменцев.

Сообщение означало одно: Брагин сливал информацию Козину, а судя по тому, что это была именно ссора, их отношения давно уже не были ни сухими, ни прохладными.

– Зар-раза! – громыхнул кулаком об стол Знаменцев.

Знаменцев хорошо знал Брагина, и не по слухам – он вместе с ним был в одной командировке еще во время Первой чеченской кампании. И тот пару раз действительно прикрыл его от пуль. На войне ведь не ведут бухгалтерию и не считаются одолжениями. Сегодня ты меня, а завтра – наоборот. И не доверять друг другу нельзя, иначе и сам пропадешь, и товарищей погубишь.

Эти нехитрые правила Знаменцев учил не по учебникам, а начал вписывать в свой дневник жизни – буквально кровью – еще во время Афганской кампании. И хотя с Брагиным он прослужил недолго, впечатления о нем сохранил са-

мые положительные. Потому, увидев его фамилию в штатном расписании, сразу же решил поставить боевого товарища на освободившееся после недавней чистки место начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Ну, а почитав личное дело и с удивлением узнав, что коллега, ко всему прочему, окончил Плехановский институт, Знаменцев еще больше утвердился в своем выборе.

Сомнения зародились по поводу двух других сотрудников недавно созданного отдела – Пятакова и Гулько. На них, как на людей, причастных к поборам коммерсантов, часто указывали в оперативных донесениях осведомители. И хотя реальных доказательств их служебных преступлений пока не было, причин подозревать их месяц от месяца становилось все больше и больше. То поступали сведения, что эта парочка отпустила бандитов, то выяснялось, что именно в их районе не заводились дела по проверенным фактам вымогательства и разбоя, а то и свидетели отказывались от своих показаний.

Разумеется, эти данные требовали тщательной проверки и перепроверки. Их начальник и боевой друг Знаменцева подполковник Брагин как раз получил повышение, да и в оперативных сводках он до сей поры никак не фигурировал.

И вот на тебе...

Один из агентов неоднократно описывал связанного с Гулько и Пятаковым неизвестного ему офицера, внешне похожего на Брагина. Но первая серьезная – даже не улика

еще – оперативная версия появилась только теперь.

– Марина, – вздохнул Знаменцев, – подготовь-ка мне соответствующий приказ на Брагина. Ну и... вызови оперативника, у которого состоит на связи этот источник.

Нечаянная радость

Лущенко пил чай, поглядывал на затейливую кружку в огромной руке митрополита и чувствовал себя легко и спокойно.

– Подарок святейшего патриарха, – приподнял кружку заметивший интерес мэра Гермоген. – Очень мне нравится эта кружечка.

– И правда красивая, – согласился Лущенко и глянул на часы: – Что ж, владыка, спасибо за то, что пригласили. Спасибо за то, что выслушали. За чай и угощение – спасибо. Теперь я хотел бы рассказать вам, что мы сделали.

– Ой-ой, благодарил меня совсем! – отмахнулся Гермоген, отставил кружку и взялся за четки. – Слушаю вас, Игорь Петрович.

– Я разобрался со стройкой нового здания прокуратуры. Выдано предписание остановить ее. Перед недавно созданной комиссией по рациональному использованию земли поставлен вопрос о сносе того, что там уже нагородили.

Четки в руках митрополита замерли.

– Более того, – продолжил мэр, – есть решение о выделении земли под строительство храма Иоанна Предтечи. Рядом с тем местом, где он стоял. Алена уже нашла единомышленников. Мои друзья подключаются. Я сам, с вашего благословения, поучаствую. Думаю, к зиме полностью отстроим.

В глазах Гермогена блеснули слезы.

– Я уж и не надеялся... Спасибо, дорогой вы мой человек!

Луценко смущенно улыбнулся, а митрополит на мгновение ушел в себя и покачал головой:

– Не зря мне сегодня Пресвятая Богородица привиделась во сне. И прямо с иконы «Нечаянная радость». Это очень хороший знак. – Он поднялся и размашисто перекрестился на домашний иконостас: – Слава тебе, Господи! На все воля Вышнего!

Луценко снова глянул на часы. У них с Аленой было намечено на сегодня еще одно дело – может быть, самое важное за последние годы.

– Владыка, у меня просьба. Вы передайте через помощников все необходимые расчеты по площадям. Тогда мы закажем предпроект у архитектора. Все разрешения оформим быстро и без проволочек. Я сам проконтролирую.

Гермоген, заранее со всем соглашаясь, закивал, и Луценко сделал призывающий к вниманию жест:

– Архитектор хороший. Он вам понравится. Человек скромный, тихий. Верующий. Это мой преподаватель из университета. Я его уговорил перейти в администрацию на работу. Конечно, он отказывался. Но я лично просил и, в общем, уговорил. Очень толковый. Зовут Кузьминский Василий Борисович.

Владыка приподнял брови:

– А он что, еврей?

– Честно говоря, не знаю, – пожал плечами Лущенко. – Мне кажется, нет. А что, это имеет значение?

Этот вопрос он как-то упустил из виду, наверное потому, что прежде всего ценил деловые качества Кузьминского, – некогда было обращать внимание на структуру волос и форму носа.

Гермоген, отрекшаяся от возможных подозрений, замалчивал руками:

– Вовсе нет! Если человек добрый и порядочный, то какая разница, кто он? Если вы знаете, то храм Гроба Господня в Иерусалиме и храм Рождества в Вифлееме обслуживают в основном арабы. То есть магометане, или, как принято говорить, мусульмане.

Лущенко встал – он не мог себе позволить роскошь опоздать.

– А в Японии, в Токио, – заторопился Гермоген, – где я служил в храме Николая Идо, то есть Святителя Николая, работают даже буддисты и католики. Так что пусть ваш Кузьминский конструирует!

Лущенко кивнул, всем своим видом показывая, что ему пора.

– Но утверждать нам, – твердо подвел итог разговору Гермоген.

Брак

Если вы не верите в духовные нити, связывающие влюбленные души, и вас устраивает сугубо мирская юридическая форма существования любви, вы вполне можете обратиться в ближайший ЗАГС и оформить свой брак де-юре.

Впрочем, хотя существование семьи де-факто не отрицает имущественных прав супругов, с правовой точки зрения они будут считаться не супругами, а членами простого товарищества.

Алена и Игорь так и не оформили своих супружеских отношений. Но, несмотря на этот юридический факт, они были мужем и женой – для всех, и Алену Игоревну отсутствие штампа в паспорте вовсе не тяготило.

Не беспокоилось по поводу этой «жизни во грехе» и окружение. Светские тусовщики с большей охотой обсуждали новые наряды Сабуровой, чем отсутствие у нее обручального кольца. Конкуренты по бизнесу, всегда учитывающие возможность ее разорения, видели в этом скорее пользу, так как в вожаденном для них имуществе – случись что – не было супружеской доли. Политиков проблемы брачных, половых и семейных отношений волновали лишь в той мере, какая нужна для спекуляций и манипуляций с деньгами. Так что пальцем погрозить могли бы разве что с самого верха. Но с недавнего времени администрацию не заботили вопросы,

касающиеся не только семейного уклада, но и отношения полов вообще. А ЦК КПСС никак не мог дотянуться из холодной могилы истории до современных обитателей политического Содома и кремлевской Гоморры.

Даже владыка Гермоген, давно имеющий некоторое влияние на эту семью, на браке Игоря и Алены настаивать не спешил. Много видевший владыка понимал, сколь еще многое эта пара любовников и друзей должна решить сама и для себя.

Есть то, что касается всех. Если у вас есть друг, то жизнь становится вдвойне интереснее. Если у вас есть близкий любимый человек, спутник или супруг, то жизнь превращается в увлекательное приключение. Вы можете создать семью, можете подарить новую жизнь, вы вообще многое можете, чтобы достичь главного – счастья. А для счастья необходимо совсем немного: опять-таки любить и быть любимым.

Но вот для полного счастья, так, как понимал его Луценко, этого было мало – ему хотелось детей. Ответ на вопрос, почему «бог не дал», не могут найти миллионы бездетных пар. Луценко полагал, что проблема бездетности – в Алене. Когда-то в юности она увлекалась туризмом, круглый год пропадала в турпоходах, а потому, видно, где-то «подморозилась». Стоит ли говорить, насколько опасно для будущей матери всякое переохлаждение? Но легче оттого, что он себе все объяснил, не становилось, а однажды увиденный старый фильм, где столь просто решалась беда одиночества, Луцен-

ко воспринял как издевку. «Что ты ноешь? – укорял герой своего друга-сироту, грустившего, что он один-одинешенек на всем белом свете. – Женись да и нарожай себе родственников сколько душе угодно!» Однако именно этот фильм и подтолкнул его к реальным шагам.

– Все, Игорь Петрович, приехали, – доложил водитель. Мэр вздрогнул и вернулся в реальность. За лобовым стеклом виднелось огромное мрачное, чем-то напоминающее больницу, здание детдома. Машина Алены – точно такая же, как у него, уже стояла перед решетчатым забором.

Дон Кихот

Знаменцев был несказанно счастлив сбросить с себя бремя ответственности за козинские киоски. Он был и оставался отличным детективом, и очередная министерская операция «Чистые руки» была куда как ближе к его профессии, а потому и волновала и заботила куда как больше.

Ясно, что сотрудники управления посмеивались. «Если бы чистыми руками проводить такие операции, – шутили они, – операции заканчивались бы, едва начавшись». Или еще говаривали, что лучший способ сохранить руки сотрудников в чистоте – обязать всех ходить в одноразовых перчатках, каждый день – новая пара. Что ж, отчасти так оно и было, и Пал Палыча спасала от этой всеобщей беды лишь его природная брезгливость. Пока спасала.

А тем временем министр требовал новых разоблачений, генерал Доронин проводил совещание за совещанием, и его кустистые брови от бессонных ночей, проведенных в рабочем кабинете, давно и как-то по-разбойничьи торчали в разные стороны. Ну и, разумеется, в такие особо напряженные моменты боевая подруга Юля была рядом. Впрочем, и на ее румянном личике трудовой аврал по поиску оборотней и предателей в погонах сказывался не самым лучшим образом. Она почти не улыбалась, румянец сошел с щечек, и даже звук каблучков раздавался как будто глуше.

Знаменцев попрощался с отчитавшимся оперативником и углубился в чтение оставленного им солидного досье. Здесь на Брагина чего только не было! А главное, в ресторане Эль Мар, что неподалеку от здания ГУВД на бульваре, довольно скоро должна была состояться встреча Брагина с объектом их давнего внимания – владельцем крупнейшей сети игорных клубов и казино Кахой Кацавой по прозвищу Кахи Веселый.

– Ну, если это правда! – с угрозой выдохнул Знаменцев и перевернул страницу.

Далее источник сообщал, что именно группа Брагина создавала в течение последних трех месяцев проблемы клубам, игровым залам, казино, пусть и оформленным на различные юридические лица, но в конечном итоге принадлежащим именно Кахе Веселому.

– Дерзко...

Любопытно, что опытные оперативники использовали для этого подставных бандитов. В результате серия бандитских налетов осталась нераскрытой, а формальные руководители пострадавших юридических лиц так и не подали заявления в милицию. По милицейской статистике все выходило шито-крыто. Преступление не регистрировалось, а значит, и не совершалось. Потерпевшие не обращались – следовательно, никто не пострадал.

– Ох... мерзавцы...

Знаменцеву такая псевдоотчетность была очень хорошо

известна. За ней, как правило, стояли тяжкие нераскрытые преступления. А главное, вскрыть эту махину лжи было невероятно сложно.

– Что ж, потягаемся!

Собственно, все мужчины в роду Знаменцевых, еще со времен Ивана Грозного, служили закону. При Малюте Скуратове состоял помощником Василий Знаменцев, кстати первым предложивший не пытаться до смерти, а вести допрос подозреваемых и освобождать тех, кто укажет на реальных преступников – если сведения подтвердятся. Эффективность новаторских методов следствия не замедлила сказаться на качестве расследований, за что Василий был даже удостоен высшей аудиенции. На память об этом событии в семье и поныне хранился медальон в виде креста и короны с одной стороны и орла с другой, подаренный прапращуру Знаменцева лично Иваном Грозным.

Знаменцев перевернул еще одну страницу досье. Сейчас его более всего заботила ситуация с игорным бизнесом, которому нынешний мэр тоже объявил непримиримую войну. По крайней мере, так он заявлял на каждом публичном собрании.

Знаменцев усмехнулся. Луценко-мэр был похож на Дон Кихота, вышедшего на Новый Арбат воевать с бесчисленными неоновыми огнями, зазывающими делать ставки, бросать кости и брать взятки. А ведь порой реклама была посильнее самой власти. Даже антимонопольный комитет не смог при-

драться к лозунгу: «В наших взятках – ваш прикуп!» Понятно, людская молва твердила, что, несмотря на свои громогласные заявления, мэр и сам имеет долю в этом темном бизнесе и, объявляя войну, лишь набивает себе цену. Но, как и положено хорошему оперу, невзирая на личные разногласия с мэром, Пал Палыч слухам не верил – предпочитал их перепроверять.

– Что ж, когда-нибудь проверим и этот слушок...

Приют

Детдом Игорю Петровичу не понравился. В ноздри сразу ударил запах горелого молока, больницы и гнилых кухонных тряпок. Радовало здесь только одно: разговор с директором детдома – крупной, неулыбчивой женщиной с жесткими чертами лица – прошел быстро и деловито.

– Думаю, с документами у вас проблем не будет, – кивнула она Игорю Петровичу и тут же повернулась к Алене. – Меня заботит лишь одно: дальнейшая судьба ребенка.

Алена вспыхнула:

– Что вы имеете в виду?

Директриса горько усмехнулась:

– Ребенок – не щенок: наигрались и вернули. Была у меня одна пара, тоже, знаете, со свитой на трех «БМВ» приезжала... так я до сих пор этому мальчишке смотреть в глаза не могу. Впрочем, вы сами все поймете... не глупые люди.

Так оно и вышло. Директриса провела их по длинным гулким, несмотря на июнь почему-то холодным, коридорам и указала на двойную дверь с большими закрашенными то ли известью, то ли водной эмульсией стеклами:

– Нет-нет, не входите. Вот здесь.

Игорь Петрович проследил за направлением ее пальца и все понял. В середине стекла побелка была вытерта – по сути, там был маленький, едва заметный глазок.

– Надо же... – смущенно хмыкнул он и, стыдясь того, что делает это, наклонился и заглянул.

Комната оказалась большой, очень большой. Впереди виднелись – тоже большие – светлые окна, на полу лежал большой выцветший ковер, на ковре стояли фанерные стулья, а на стульях ровными рядами сидели дети.

– Занятия... – вполголоса пояснила за его спиной директриса.

Все они сидели к нему боком, заслоняли друг друга, смотрели прямо перед собой, а потом одна девочка случайно повернулась к двери да так и застыла, увидев его глаз. И вслед за ней к двери начали поворачиваться и остальные – один за другим.

Лущенко отшатнулся.

«Они ждут... – поразила его жуткая догадка, – они все ждут!» Освобождая место жене, он отошел в сторону, отвернулся, но смотреть в этом коридоре было не на что – лишь стены и двери.

– Она, – тихо произнесла Алена.

Игорь Петрович заставил себя повернуться.

– Эта девочка, – оторвалась от стекла Алена. – Кто она?

Директриса поджала губы.

– Это Леночка, – произнесла она, даже не думая заглянуть в глазок, чтобы проверить, о какой девочке говорит Алена Игоревна.

«Сейчас спросит, будете ли брать», – подумал Игорь Пет-

рович, и по спине прошел мороз, потому что следующим вопросом – при каждом приобретении – обычно следовал вопрос: «Вам завернуть?»»

Тема

Очередная встреча Сериканова с Козиным состоялась внезапно. Петр Владиленович просто позвонил и довольно-таки по-хамски приказал быть у него.

«Что ж, – зло улыбнулся Роберт, – цыплят по осени считают...» Его складывающаяся зависимость от Козина была столь же иллюзорной, как и само положение все еще влиятельного бизнесмена. Однако все оказалось несколько серьезнее, чем думал Роберт.

– Садись, – сделал на удивление дружеский жест Козин. – Говорить будем.

– Вы о строительной лицензии? – попытался угадать Сериканов.

– Об этом – потом, – отмахнулся бизнесмен.

– А-а-а, – понял Роберт, – все-таки сделаете упор на то, что киоски хлебные? В суд решили подавать?

– С киосками я сам разберусь, – все так же отмахнулся Козин и уставился Роберту в глаза: – Мне нужно что-то по-серьезней. Что-то политическое...

– Политическое? – удивился Роберт.

До этих пор Козина политика не интересовала.

– Нужна реальная подстава, – придвинулся через стол Козин. – Так, чтобы Луценко небо с овчинку показалось!

«Псих, – подумал Роберт, – совершенный псих!» Петр

Владиленович вздохнул, отодвинулся и развалился в кресле.

– Я понимаю, что и сам еле держусь, но, если Луценко с Сабуровой не остановить, будет еще хуже. И ты мне помо-
жешь.

Роберт прикинул, сколько запросить.

– Смотря что вы хотите Луценко устроить, Петр Влади-
ленович, – пожал он плечами, – «несогласных» на митинг
пригласить – один тариф, тут же морду им набить – другой.
А чтобы еще и ментов туда втянуть – третий. Сколько вы го-
тovy отдать?

Козин на мгновение отвел глаза: платить он не любил.

– За деньгами дело не станет. Но шум должен быть такой –
чтобы до самого Кремля!

«Чтоб до самого Кремля...» – мысленно повторил Сери-
канов и старательно подавил улыбку. Петр Владиленович так
и остался тем же – вечно голодным, безнадежно провинци-
альным пацаном, коим, по его рассказам, рос.

– Может, сразу Еврокомиссию в город притащить? – яз-
вительно улыбнулся Роберт.

Козин прикрыл глаза и пожевал губами. Слово «Евроко-
миссия» ему определенно нравилось.

– Годится, – решительно кивнул он. – Пусть будет.

Роберт, не скрывая сарказма, рассмеялся.

– А всю команду мэра Луценко – сборищем педерастов
выставить? – потешно поднял он брови.

Глаза Козина радостно блеснули.

– Годится!

– Ну, и семейку Сабуровой за уши в скандал втянуть? Например, ее любимого братца. Так его замарать, чтобы Алене до второго пришествия икалось!

– То, что надо, – аж привстал от возбуждения Козин.

Сериканов демонстративно вздохнул и развел руками:

– А не выйдет, Петр Владиленович! Не того они полета птицы. Нравится вам это или нет.

Козин помрачнел, но Роберт не дал себя прервать.

– Стройлицензию у Алены отозвать помогу. Юридическое обоснование для суда по киоскам составляю – так, что комар носа не подточит! Но политика... это со-о-овсем другие бабки.

Козин дернул головой, вышел из-за стола, тяжело ступая, подошел к Сериканову и наклонился:

– Взялся – делай. За деньгами не постою. Но если подведешь...

Роберт невольно отодвинулся. Видеть у своего лица тяжеленный козинский кулак было не слишком-то приятно.

Дочь

Алена молчала всю дорогу домой, а едва они переступили порог, у нее начался приступ активности.

– Надо комнату ей приготовить, – проворковала она и метнулась вверх, в свой кабинет.

Игорь Петрович кивнул, прошел в столовую – глянуть, что сегодня приготовила им Татьяна, и замер. Наверху слышались отчетливые звуки сдвигаемой мебели.

– Алена! – крикнул он. – А этим обязательно заниматься самой? – И тут же понял, что как бы ему ни хотелось, а подниматься к жене все-таки придется. Вдохнул, не торопясь поднялся по лестнице, толкнул дверь и замер.

Посреди комнаты горой валялись Аленины наряды, а диван был сдвинут.

– Я должна все успеть приготовить, – пояснила она.

– Алена, – укоризненно покачал головой Луценко, – не с этого надо начинать.

– Да, ты прав, – замерла на полпути жена. – Надо начинать не с этого.

Подбежала к дивану, ухватила за него и потащила к окну.

– Алена! – рванулся к ней Луценко. – Немедленно оставь. Пока у нас не будет всех нужных документов...

– Тогда чего ты стоишь?! – оборвала его Алена. – Звони

Кротову! Черту лысому! Хотя всю адвокатскую коллегия на уши подними! Пусть начинают работать!

Лущенко взглядом показал на часы:

– Половина девятого, Алена. Какая может быть работа?

Она покачнулась и осела на сдвинутый диван.

– Я не могу просто сидеть и ждать. Я не выдержу.

Игорь Петрович сел рядом и обнял ее за плечи. Он и подумать не мог, что она так отреагирует. И, конечно же, она говорила правду: она не сумеет просто ждать. Алена ничего не произносила попусту.

– Ладно, подожди, – попросил он, вытащил телефон и набрал номер адвоката Кротова. – Толик? Слушай меня, Толик... нужна твоя помощь. Да, юридическая, по усыно... удочерению. Да, связи тоже не лишние. Где буду я? – Он глянул на сжавшуюся жену. – А мы с Аленой отъедем в гольф поиграть. Что-то она у меня перетрудилась.

Толик

Анатолий Кротов никогда не приезжал вовремя – хоть на пять минут, но обязательно опоздает. А вообще, его появление в кругу мэра требует отдельного пояснения. Сам Луценко не мог точно вспомнить, кто, как и когда подсунул ему этого вечно потеющего суетливого субъекта. Однако при внешней, мягко говоря, непривлекательности у Толика, как его все называли, было несколько важных качеств: он всегда соглашался с любым капризом и позицией клиента, поддакивал любому, даже самым пустым и безумным изречениям и затеям, никогда ни с кем не спорил и готов был на любые задания.

Еще одно немаловажное качество Толика заключалось в том, что его знали практически все чиновники администрации, работники правоохранительных органов, депутаты и сенаторы. Казалось, что он существовал всегда и везде. В городе не обходилось ни одной тусовки без его участия. Он лез комментировать любое мало-мальски значимое событие во все газеты и телепрограммы. Редкий день обходился без того, чтобы его одутловатое, покрытое трехдневной щетиной лицо с рыбьими глазами не появилось на экране и он не бубнил что-то такое же пустое, как выражение его глаз, и никчемное, как все его обещания и советы. Несмотря на эти сомнительные достоинства, Толик был популярен не только

среди клиентов, но даже среди девушек, хотя в том, что он традиционной сексуальной ориентации, сомневались многие.

В окружение мэра он попал несколько лет назад и теперь периодически оказывал ему те или иные услуги. Луценко пытался отказаться от его советов, но каждый новый адвокат, с которым он затевал очередное дело, по разным причинам начинал раздражать мэра. У одного голос был слишком визгливым, другой был слишком высокого мнения о своей персоне и смотрел свысока даже на президента, которого пару раз защищал, третий валял дурака и издевался над клиентами, четвертый просил неимоверные гонорары, пятый все время молчал, шестой говорил по делу, но при этом приближался к самому лицу собеседника, отчего можно было без труда не только разглядеть все пломбы, но и точно определить, что он только что съел.

Игорь Петрович не сумел сработаться даже с Артемием Павловым.

Однофамилец великого исследователя собачьих инстинктов не захотел выслушивать предложения мэра по делу и сократил все их встречи до 15-минутного общения, и понятно, что командные рефлексy Игоря Петровича сработали как надо, и к услугам Павлова, несмотря на блестяще проведенное дело, он более не прибегал.

Впрочем, сейчас, как только стало известно, что Козин парализован, руки освободились как у Игоря Петровича,

так и у Алены. Нерешаемых вопросов не наблюдалось, а с остальными вполне справлялся отлаженный, как часовой механизм, аппарат мэрии.

Однако о том, что Лущенко с Аленой выехали именно в Эмираты, не знал никто – даже оставленный за старшего Сериканов. Сторонний человек мог предполагать, что они отправились в Подмоскowie – тамошние поля для гольфа были ближе остальных. Хотя и впрямь перетрудившейся да еще и взвинченной увиденным в детдоме Алене вряд ли удалось бы там действительно отдохнуть.

Самые лучшие поля ждали их в Испании, в районе Марбельи, но там было не продохнуть от новичков. Лущенко уже сталкивался с этой проблемой, ибо желающих сыграть с мэром или его женой всегда было многовато, и порой доходило до прямого подкупа персонала и журналистов – только бы выследить пути их перемещения. Собственно, поэтому Лущенко и выбрал Дубай. И... не спасся.

Информатор

Нет, упрекнуть себя мэру было не в чем. Кто знал, что его персоной займется широко известный фотограф «Коммерсанта» Валерий Левадин, а информированность Левадина была поистине феноменальной. Он вполне мог бы работать и не фотографом, хотя это у него получалось выше всяких похвал, а индивидуальным информационно-аналитическим агентством. Крупная, ни с какой иной не сравнимая лысая голова Левадина, поросшая ярко-золотой щетиной, мелькала везде, где собирались городские VIP'ы, как их принято называть в среде журналистов, пиарщиков и халявщиков.

Отщелкав одну вечеринку, он перемещался на другую, с нее на третью и так до десяти вечеринок за вечер, ночь и раннее утро. Именно он в это утро и подсказал кремлевскому функционеру Станиславу Чиркову то, чего не знали ни служба федеральной безопасности, ни даже Роберт.

– Значит, в Дубай... – хмыкнул Чирков, повесил трубку и занялся просмотром утренней корреспонденции.

Длинный неудобный кабинет в четвертом корпусе Кремля он занимал вот уже седьмой год. За это время в нем побывали все лидеры не только парламентских партий, но и тех, кто никогда не только не выигрывал, но даже не имел шанса победить. Что ж, не все догадывались, что реальность такого шанса как раз и зависит от этого симпатичного худощавого

молодого человека. Именно он мог безошибочно разглядеть под серым невзрачным свитером большое будущее нового лидера правящей партии. И именно он определял, что под шикарной тройкой тонкого английского сукна кроется пустоцвет и успешный кандидат в Бутырку. Одиннадцать шагов от двери приемной до стола хозяина кабинета иногда стоили карьеры мэру или губернатору, а иногда превращались в стремительный карьерный взлет ничем не приметного провинциального активиста.

Чирков нажал кнопку селектора:

– Татьяна!

– Да, слушаю, Станислав Георгиевич, – отозвалась из приемной его бессменная помощница.

– Подготовь мне обзор прессы по Лущенко за последнюю неделю. Ну, и просмотри, конечно, в Интернете. Особенно «компрофакт.ру».

– Поняла. Через час доложу.

Татьяна бессменно работала на него все семь лет кремлевского заточения.

И если она говорила «через час», это означало, что за пять минут до истечения срока на его столе будут лежать – в расфасованном и подшитом виде – все необходимые материалы, да еще и с цветными маркерными отметками.

Цвет имел немалое значение. Зная характер и пристрастия шефа, Татьяна всегда отмечала зеленым интересные, насыщенные полезной информацией места, желтым – скан-

дальные и порочащие сведения, а красным – прямые обвинения. Утопающего в информации Чиркова такой светорфор более чем устраивал, и если какой-либо аналитик взялся бы рассматривать помеченные таким образом и прочитанные материалы, то наверняка вывел бы нехитрую закономерность. Чем больше желтых абзацев содержал текст, тем выше возрастал интерес шефа к очередному заинтересовавшему его клиенту. А чем больше появлялось красных строк, тем быстрее заканчивалась карьера политика.

Гроссмейстер

Понятно, что секрет действенности печатного слова заключался вовсе не в силе журналистского пера, а в постоянной политической борьбе, которую можно сравнить разве что с шахматным поединком длиной в избирательный срок. Временный арендатор неуютного кремлевского кабинета искренне считал себя гроссмейстером международной категории.

До встречи с гениальным Джоном Тейлором, помощником президента США, Чирков вообще не видел себе равных. Однако невзрачный (в отличие от красавчика Чиркова), коротконогий, лысый, полноватый америкашка, построивший карьеру вот уже третьего президента, заставил-таки себя уважать. Что ж, это было вполне заслуженно: доказать всему миру, что ни сексуальный харасмент, ни бездарная война, ни рост налогов не могут устоять против грамотных политтехнологий – это чего-то да стоит!

Пообщавшись с американским коллегой во время встреч лидеров двух стран, внимательно изучив имевшиеся в открытом доступе и специально подобранные службой безопасности материалы, Чирков честно сдался и признал за американским коллегой бесспорное лидерство. Он понимал, что никогда не станет Джоном Тейлором – хотя бы потому, что для этого надо родиться и вырасти в Америке, впитать

в себя все передовые технологии и главное – поработать на реальных свободных выборах.

Чирков легко вздохнул, подошел к окну, из которого была видна внутренняя площадь Кремля, заглянул в жерло Царь-пушки, которая по какому-то странному стечению обстоятельств была направлена именно в его окно, и усмехнулся своим ассоциациям. Слава богу, у нас – не США, и, хотя выборы никто не отменял, главное не как голосуют, а как считают.

– А еще важнее, КТО посчитает!

Пора было звонить Игорю Петровичу – прямо в Дубай.

Партия

Лущенко всплеснул руками и двинулся на девятое поле. Алена вела счет, опережая его на три мяча. Ее удары были увереннее и точнее. Ей вообще легко далась наука гольфа, и теперь Алена лишь набирала практику, столь необходимую для гольфиста, стремящегося к высоким достижениям в этом модном виде спорта. Что ж, она стремилась быть лучшей во всем!

Если честно, во время игры Лущенко ею искренне любовался. Чтобы не мешать ей, он даже выключил мобильные телефоны и взял только прокатный телефон, полученный ночью в отеле, – для местной связи и экстренных звонков. И экстренность этого звонка была совершенно не очевидна.

– Игорь Петрович?

Лущенко удивился. Голос в трубке был до боли знакомым и до еще большей боли сух и самоуверен. Таким голосом вещает партийный босс, позвонив своему подчиненному коллеге по партии, чтобы изгнать из своих рядов без шума и рассчитать в двух словах. Таким тоном комиссар сообщает командиру армии о его разжаловании по политическим мотивам.

«Неужели Чирков? Точно!» Командиром назвать Станислава было сложно, но вот боссом его считали практически все политики, независимо от окраса и программ.

– Да. Слушаю вас.

– С наступающим праздником! Это Чирков.

– Спасибо! И вас от души с праздником, Станислав Георгиевич!

– Я вас, кстати, еще и с победой на выборах не поздравлял. Поздравляю, поздравляю!

Лущенко замер. Чирков ничего не говорил просто так.

– Спасибо. А почему два раза «поздравляю»?

– Одно поздравление вам, а другое – вашей очаровательной супруге.

Лущенко махнул радующейся удару Алене рукой и усмехнулся. Станислав был как всегда безукоризнен. В словах, выражениях, интонациях. Ничего лишнего, и все с подтекстом.

– Спасибо еще раз. Передам обязательно.

– А как обстановка в городе? Я интересуюсь, потому что грядут выборы в Госдуму. Вы-то свой срок недосидели – пошли на повышение.

– Так вышло, Станислав, вы же знаете! – он впервые назвал его по имени, считая, что подобное послабление теперь, когда он стал независимым мэром крупнейшего города, уже возможно.

– Да уж, вышло! Слава богу. Но остальные, не столь счастливые и удачливые, продолжают бороться за мандаты. Сами знаете, покой им только снится...

«Киоски...» – понял Игорь Петрович и лишь теперь признал все значение своевременной выдумки Знаменцева с

экскаваторами и желтой лентой.

– Если вы о попытке дестабилизировать ситуацию, то это в прошлом. Столь ожидаемого некоторыми силами цирка не будет.

– Значит, со зрелищами вы разобрались?

– Это точно. Зрелищ не будет!

Луценко подал знак насторожившейся Алене. «Подожди, милая, подожди!...»

– Ну а как вы выходите из положения, когда не хватает хлеба?

– В смысле? – опешил мэр. – Почему не хватает?

Только сейчас он почувствовал неладное и понял, что вся эта прелюдия была лишь вступлением к самому главному вопросу. Чирков его просто прощупывал и, видимо, вполне убедился, что мэр несколько оторвался от земли и жизни, а значит, и потерял ощущение реальности.

– Да в прямом смысле! – металлические нотки в голосе Чиркова резали слух и телефонный аппарат. – Я вас спрашиваю, Игорь Петрович, что у вас за перебои в городе с хлебом?! – Слово «хлеб» прозвучало так, словно речь шла о заканчивающемся воздухе где-нибудь в подводной лодке с обреченным экипажем.

Луценко подал решительный знак Алене. Впрочем, она и сама поняла, что стряслось нечто чрезвычайное, и уже бежала к мужу.

– Я не знаю ни о каких переboях...

Алена добежала и, жарко дыша ему в лицо, приложила ухо к обратной стороне трубки.

– Это меня больше всего и расстраивает! – чеканил Чирков. – В городе происходят волнения, а мэр ничего не знает.

«Козин... больше никому!» – Луценко глянул на Алену и понял, что она тоже это понимает.

– Поверьте, Игорь Петрович... – Чирков сделал паузу и чуть смягчившись, пониженным на тон голосом добавил: – Я очень не хочу вашей столь быстрой отставки. Но если доложат президенту, то проблемы примут необратимый характер. В наше время хлеб должен быть в магазинах. Тем более в национальные государственные праздники! Такие проколы непростительны для политиков вашего уровня, мэр Луценко! Надеюсь, Алена Игоревна тоже все слышала!

Алена резко отшатнулась, вытаращила глаза и отчаянно замахала руками.

Этот человек не просто видел на расстоянии – он читал мысли и угадывал их!

– Да, то есть нет, я все передам ей. Я все понял. Сейчас все решим. Не надо пока информировать президента.

– Увы, Игорь, – в голосе Чиркова зазвенела невыразимая грусть, – кроме меня у президента есть еще десятка два ушей, глаз и языков. Они-то все уже докладывают.

Луценко мысленно матюгнулся, а Чирков снова понизил голос и сказал совсем уже по-человечески, по-товарищески:

– Я не хочу вашей отставки. Даже несмотря на то, что

вы мне уже успели подпортить кое-какие планы... Давайте быстро исправляйте ситуацию. Удачи вам, Игорь!

Гудки резко оборвали разговор, и Луценко посмотрел на Алену.

– В аэропорт! – скомандовала она. – Еще успеем!

Дефицит

«Если в партию сгрудились малые, сдайся, враг, замри и ляг...» – так советовал незабвенный Владимир Владимирович. Его трактат о единице, которая, в сущности, и не единица даже, а «ноль», и об индивидуализме может вполне служить пособием по программе «разделяй и властвуй». Что ж, объединить единомышленников сложно. Объединить конкурентов практически невозможно. Но есть ситуации, когда даже отъявленные враги заключают мирные соглашения и объявляют перемирие, хотя бы и временное. Именно такая ситуация складывалась в городе буквально на глазах.

У режима Луценко – Сабуровой была масса обиженных, завистников, конкурентов, политических противников, уволенных сотрудников, отстраненных от распределителя городских заказов коммерсантов, и проч., проч., проч. Однако сколько-нибудь могущественных среди них было немного. Лучшая половина семьи градоначальника активно осваивала все новые и новые объемы финансовых ресурсов городского бюджета, одновременно наполняя его налогами, сборами и взносами. Понятно, что фирмы Алены становились городу все более необходимы, а фирмы ее конкурентов – все менее. И, конечно же, если бы не Козин, о том, что бизнес в городе был когда-то иным, позабыли бы все – еще с полгода назад. Но Петр Владиленович не умел отступать.

Последние трое суток он почти не спал, курил больше обычного и не притрагивался к спиртному, что уже было дурным знаком для всех, кто его знал. По крайней мере, семейные старались не попадаться ему на глаза. Со стороны даже казалось, что Петр Владиленович обдумывает нечто важное, но это было не так. Во-первых, потому, что Козин не умел и не любил так долго думать, а во-вторых, потому, что ровно трое суток назад война уже началась.

Сначала Петр Владиленович под отводящими подозрения предложениями плавно сократил поставки муки – как в свои точки, так и партнерам. А когда «переходящего запаса» муки осталось от силы на сутки, Козин сделал главное.

Рано утром четвертого дня у его младшего сына Алексея зазвонил телефон.

Сыновья привыкли начинать рабочий день в 5-6 утра, когда в их магазины и ларьки начинали завозить свежую выпечку. Алексей глянул на часы. Табло слабо светилось зеленым светом: 05.55.

– Алло?

– Леша? Это я, отец.

– Да, пап! – Алексей подскочил со стула. – Что-то случилось?

– Тише ты! Ничего не случилось. Хотя скорее случилось, чем не случилось. Слушай, короче, внимательно. Хлебовозы пришли?

– Да, но не все. С первого комбината была машина. Во-

семь контейнеров. Затем... – он быстро перебирал разложенные на столе накладные, – так, пятый комбинат – шесть. И еще где-то «Звездный» здесь...

– Хорошо. Значит, так. Сегодня пятница. Так?

– Так... – не понимая, куда клонит отец, машинально повторил сын.

– Завтра-послезавтра выходные?

– Да.

– В понедельник праздничный день. День какой-то там независимости. Так?

– Так. Мы, пап, собирались с Ксюхой и мальчишками на дачу отскочить, а то жара... – занял Алексей, подумавший, что отец задумал заставить его работать все выходные в городе.

– погоди ты ныть! Слушай сюда! Останавливай пекарни, а весь хлеб, что уже готов, перегружайте в грузовики и увозите прочь из города.

– Как?

– Иди да покак! – грубо ответил отец. – Ты меня понял?!

– Понял. Но зачем, пап? Ведь сегодня все будут закупаться на три дня...

– Вот молодец! Дошло наконец! – зло съязвил отец.

– Ты уверен, пап? – осторожно попытался прояснить ситуацию Леша.

Отец угрожающе зарычал в трубку:

– Делай, что велено! Сам поезжай по точкам! Чтобы везде

хлеб убрали. После этого бери людей и дуй на городские хлебозаводы. Лучше возьми машины подрядчиков. Наши слишком заметные. Забери все остатки с мелькомбинатов и тоже увози за город. Пошли наиболее доверенных, чтоб скупили все у конкурентов. Деньги выдай из кассы под отчет. Пусть приносят чеки и отдают булки. Собирай, и туда же.

– Все понял, папа.

– И еще! Всем рот закрой! Кто вякнет, пощады пусть не ждет. Все! Работай, сыночек! – последние слова он произнес ласково. – Целую!

Алексей застыл с трубкой в руке, судорожно соображая, к чему приведет подобная акция накануне трех выходных дней, да еще и под государственный праздник, и зажмурился. Да-а, папаша умел создавать проблемы.

Кризис

Первым делом Лущенко – еще по пути в отель – позвонил Сериканову:

– Что это за цирк?! Как это – нет хлеба?! Ты куда смотрел?!

– А вы где?

– Я-то в Эмиратах, но не обо мне речь, – отрезал мэр, – ты где был?!

Роберт принялся объяснять, и с каждым его словом Игорю Петровичу становилось все хуже. Главное, Козину предъявить было нечего: весь хлеб из его хлебопекарен шел через дочерние фирмы, за которыми и были закреплены так называемые «хлебобулочные» киоски. Так что, подписав указ о сносе киосков, Лущенко как бы своими руками этот хлебный кризис и создал.

– Но это же все туфта! – поначалу попытался возразить он и осекся.

Козин все просчитал верно. Да, теоретически доказать, что ни киоски, ни дочерние фирмы фактически хлебом не торговали, а были созданы лишь для манипуляций с кассой, было можно – недели за две. Но, вот беда, если хлеба не будет хотя бы три дня, Лущенко снимут – и закон разыщут, и через городское собрание проведут. И понятно, что его счастливый преемник – кем бы он ни был – не будет слишком уж

ковыряться в той грязи, что вознесет его на самый верх.

– Что ты предпринял?

– Обзваниваю соседей – всех, кто может завезти в город хлеб.

– А наши хлебозаводы что же? – не понял мэр.

– А наши на реконструкции! – язвительно напомнил Се-
риканов. – На первом две линии демонтировали, чтобы им-
портные поставить, второй вообще месяц как стоит. Будем
всей администрацией в районы звонить, – Роберт вздохнул, –
ну, и в соседние области. Завозить хлеб надо срочно. Стару-
хи в магазинах уже всю муку подмели – мешками вывозили,
сам видел.

Лущенко устало мотюгнулся. Ирония была в том, что хле-
ба, даже без козинских пекарен, даже за вычетом вставших
на реконструкцию линий, для города хватало. Впритирку, но
хватало. Но вот массовый психоз... он был способен разру-
шить самые точные расчеты. Ясно же, что те же старухи, тра-
тящие свои пенсии прежде всего на дешевый сытный хлеб,
постараются скупить все в округе. Выросшие в голодные го-
ды, они по-другому реагировать на катаклизмы и не умели.
Азначит, хлеба не хватит их соседям, тем, кто сегодня был
на работе.

«А утром в субботу в магазинах начнется давка...»

Сынуля

- Але, пап!
- Да, сынок.
- Я все сделал, как ты велел.
- Молодец, сына.
- Все правильно, пап?
- Правильно, сынуля.
- Тебе что-нибудь нужно, пап?
- Да нет, вроде все есть... Хотя вот, сыночек. Привези, пожалуйста, мне булочку.
- Булочку?! Какую, папа?!?
- Ну, ту, что я люблю. С маком. Ты знаешь.
- Да, да, папочка. Я привезу.
- Спасибо, дорогой мой.
- Ну ладно, папуль...
- Ладно, сыночка...
- Пока!..
- До свидания!..

Психоз

Едва в магазинах началась давка, Доронин с неохотой признал, что ему придется посылать на внеурочное дежурство всех, даже офицеров.

Взбесившийся город никакой логики не признавал и того факта, что и менты должны отоспаться после ночной смены, в расчет не принимал.

Начальнику ГУВД эти дежурства были – нож к горлу, и, чтобы выяснить, сколько все это продлится и на что рассчитывать, он первым делом позвонил Игорю Петровичу. Однако разговаривать пришлось с Серикановым.

– А где Игорь Петрович? – не понял Доронин.

– В Эмиратах, – скупое отозвался Сериканов. – Они с супругой изволят в гольф играть.

Доронин растерянно хлопнул глазами и, не сдерживаясь, выматерился – тяжело, от всей души.

– И что теперь?

– Хлеб-то мы завозим, но этот психоз... сметают все.

– Я не о том, – оборвал его Доронин, – я так понимаю, у нас вот-вот митинги, никем не санкционированные, начнутся!

– Начнутся, – так же скупое подтвердил Сериканов.

– И какова позиция мэрии? Разгонять?

– Не хочется... – вздохнул Сериканов, – да и кто приказ

будет отдавать? Я? Так на меня же тогда всех собак и повесят! Ты?

– Не-е, – открестился Доронин, – я – служака. Скажут – сделаю.

Повисла долгая пауза.

– Посмотрим, что Луценко предложит, – вздохнул в трубку Сериканов. – Я думаю, он еще не раз и не два позвонит.

Шанс

Роберт Шандорович положил трубку и вдруг подумал, что это и есть его главный шанс. Да, всенародно избранным мэром ему не быть никогда.

Кондовая средняя полоса России и поныне относилась к разного рода не «Иван Ивановичам» с историческим подозрением и «мочила» на выборах всех, кто не проходил первичный фэйс-контроль. Сериканов его не проходил – никак. Но вот отсидеть в положении и.о. – хотя бы с полгода – было реально.

«А ведь Козину подыграть надо... пусть подставится. А там...» За полгода в должности и.о. можно было создать очень даже приличное состояние, а то и войти в элиту! Главное, не спугнуть удачу слишком торопливыми «предварительными ласками».

Цветы

Знаменцев обогнул длиннющую очередь за «выброшенной», словно в советские времена, третьесортной мукой и двинулся к закусочной, на ходу обдумывая детали предстоящей операции. Ее не мог отменить даже внезапный «хлебный кризис».

В модном городском ресторане «Эль Мар» подозреваемые встречались неоднократно, хотя добрая половина гостей вполне подходила под этот неприятный статус – каждый по-своему и в своей области. Сюда приходили нефтяные, газовые, фармацевтические и коммуникационные олигархи, успешные тележурналисты и телемагнаты. Ну, и крупные государственные чиновники не обделяли вниманием этот рыбный ресторан. А в последние два года в «Эль Мар» стали наведываться не столько вкусно поесть, сколько обсудить, или, как говорили в этой среде, «перетереть», некоторые важные вопросы представители криминала.

Нет, в отношении всех названных гостей ресторана сомнений в их платежеспособности не возникало. А вот ставшее практически регулярным пиршество работников прокуратуры и милиции давно вызывало не удивление, а отвращение. Естественно, и те, и другие – тоже граждане: они имели право на любой отдых за свои собственные деньги, однако средний счет на человека без учета алкоголя в «Эль Мар» состав-

лял 300-400 евро, а месячной зарплаты районного прокурора, которого с двумя заместителями считали здесь завсегдаями, едва хватило бы на два-три таких обеда. Даже со всеми надбавками, спецпайками и премиями бюджет этих доблестных бойцов невидимого фронта не мог выдержать подобной гастрономической роскоши.

Странно, но ни один из многочисленных комитетов, советов, комиссий, фондов по борьбе с коррупцией, наплодившихся в последние годы в стране, не обращал внимания на столь очевидный факт. Не обращал бы и Знаменцев – скрипел бы зубами и проходил мимо, но – не судьба. Чем больше он узнавал об этом ресторане, тем теснее завязывались узелки будущего дела, и начаться все должно было именно здесь – поимкой подполковника Брагина.

Знаменцев нырнул в стеклянные двери и наскоро перекусил – не в «Эль Мар» – в одной популярной закусочной, где гарантировали неограниченное число подходов к шведскому столу из пятидесяти блюд всего за сто двадцать рублей. Затем прыгнул в свой сильно подержанный, справивший недавно 15-летие «Мерседес» и покатил в сторону Пушкинской площади. И понятно, что на перекрестке машину, как всегда, облепили попрошайки, продавцы поддельных часов и дети с букетиками цветов.

– Дяденька, купи, позалуста, букетик! – настойчиво и шепеляво канючил один. – Ну, позалуста! Кусать нетего, мамки не-е-ет...

Знаменцев не выдержал и приоткрыл окно.

– Сколько хочешь за цветы?

Мальчуган моментально проглотил слезы и бойким голо-
сом отчеканил:

– Пятьсот рублей!

– Ты что, малец, обалдел?! – искренне удивился нахаль-
ству маленького торгаша полковник. – То тебе «кусать нете-
го», а то такие деньги требуешь. Вот сто рублей, больше не
дам! Решай, а то светофор уже зеленый.

Пацан схватил протянутую сотню и сунул букет в окно.
Три аккуратненькие кустовые розочки, связанные ленточ-
кой. Знаменцев рассмеялся, проводил ушедшего мальчика весе-
лым взглядом и поднес розы к лицу. От них шел слабый, ед-
ва заметный и все-таки щемящий запах лучших времен.

Гости

Роберт Шандорович встретил мэра и его супругу в аэропорту.

– Ну, что? – первым делом спросил мэр. – Хлеб есть?

– Хлеб есть, – усмехнулся первый зам, – толку нет. Все сметают. Но хуже всего, что бонзы партийные фишку просекли.

Лущенко поджал губы:

– Чего хотят?

– Митингов. Протестов. Пресс-релизов. Интервью. Скоро же выборы в Думу, самое время очки набирать.

– Сволочи... – не выдержала Алена. – Мы же договаривались не раскачивать лодку... нет, все им нейдет!

– Ладно, – сосредоточился Лущенко, – с ними я поговорю. Что с хлебом делать?

– Я займусь, – отозвалась Алена. – Будет хлеб, гарантирую.

Лущенко покачал головой:

– Завтра День независимости. Если хлеба с утра не будет, мне конец.

– Если ты о Чиркове... – начала Алена и осеклась.

Говорить о Чиркове при Роберте, да и вообще при подчиненных, не стоило.

Хотя и обрывать фразу на полуслове – тоже...

– Кстати, о Дне независимости, – сделал вид, что не оценил значения оговорки и последующей заминки Сериканов. – Игорь Петрович, к нам же на праздник делегаты прибывают – от Европарламента и европейских городов.

Мэр застонал. Хлебный кризис никак не отменял протокола праздника, а это был тот еще «геморрой».

– Что ж ты раньше не сказал? Кто там еще прибывает?

Роберт успокаивающе замотал головой:

– Да не волнуйтесь. Я вам докладывал еще месяц назад. Еще когда только приглашали.

– Это я и без тебя помню! – оборвал его мэр. – Ни склерозом, ни провалами памяти не страдаю. Что нового? Ты ведь об изменениях в протоколе?..

– О них, Игорь Петрович, – кивнул Роберт, – мы ведь кого приглашали?

– Кого-кого? Мэров и депутатов.

– Вот именно. А подтвердили приезд вовсе не мэры и депутаты.

– А кто же? – удивился Луценко.

Роберт недовольно поморщился:

– Да их замы и помощники. Все какие-то третьи-четвертые лица. Даже не первые замы.

Игорь Петрович должен был отметить тот факт, что даже для Роберта – единственного первого зама мэра – пары соответствующего уровня среди гостей не находилось.

– Ах, вон оно что... – мэр задумался. – Ну, и как с ними

быть?

– Как? – переспросил Сериканов и на мгновение погрузился в размышления.

– Ну же, Роберт, не тяни. Я же знаю, что ты уже все продумал!

Сериканов рассмеялся:

– Да, есть кое-какие протокольные соображения.

– Так, выкладывай.

– Значит, так... Поскольку все они третьего-четвертого сорта, но в то же время вроде как гости, то встречать их должен заместитель. Скажем, Кисляк или Усачева.

Мэр, не соглашаясь, замотал головой:

– Ой, ну слушай, Галину давай не будем вмешивать! Ей и так не просто образованием заниматься. А Кисляк вроде как в отпуск отпросился... – Он задумался. – Слушай, Роберт Шандорович, а может быть, ты?

Сериканов сделал негодующе-удивленное лицо.

– Нет, нет, – замахал руками мэр, – я понимаю, что они и впрямь третьего-четвертого сорта ребята. Но, может, в виде исключения? Ну, сделай одолжение для города.

Сериканов, изображая внутреннюю борьбу, нахмурился, а Луценко, изображая свою глубокую зависимость от такого замечательного зама, молитвенно сложил руки:

– Не для себя прошу, для города!

– Ох, – вздохнул Сериканов, – чего только не сделаешь для вас, Игорь Петрович! Посвящу наступающий уик-энд

коллегам евробуржуям. То есть евродемократам.

– Вот это другое дело! – обрадовался мэр, и Сериканов тут же погасил его радость последним вопросом.

– Игорь Петрович, там еще есть бизнесмены. Хорошо бы для веса и с нашей стороны кого-то адекватного.

Луценко задумался.

– А кого я тебе дам? Алене сейчас не до того будет... ей хлебом надо заниматься.

Сериканов ждал.

– Кого же? Кого же? Слушай... а что, если... – мэр задумался, – а они хоть по-русски говорят?

– Практически нет, – мотнул головой Сериканов, – придется переводчиков брать. Там такое разнообразие... голландцы, норвежцы, французы.

Луценко опустил голову и тут же повернулся к Алене:

– Позвони-ка шуруину моему ненаглядному. Пусть поработает...

– Только не Васька! – вскинулась Сабурова.

– Да не бойся ты, – отмахнулся Луценко, – если что и ляпнет, переводчики подкорректируют. Вон Роберт с ними специально инструктаж проведет.

Он повернулся к Сериканову:

– Проведешь?

Роберт кивнул. Игорь Петрович завел себя в подготовленную для него двусмысленную ситуацию ровно так, как надо, а главное, сам.

Пощечина

То, что самолет с Лущенко и его супругой сел, Знаменцев узнал на полпути в свой кабинет, мгновение подумал и, повертев предназначенные Марине цветы, двинулся к Доронину. Пал Палыч понимал, что Алена мгновенно возьмет на себя все проблемы, связанные с закупками хлеба, а Лущенко – переговоры с партбоссами. Это означало, что никаких митингов не будет, а его офицеров можно смело снимать с внеочередного дежурства. Возле лифта неожиданно столкнулся с Брагиным, который торопился к выходу:

– О, Палыч, здорово! Цветочки прикупил? Неужто дама завелась? – нахально расспрашивал его боевой товарищ, новоиспеченный начальник отдела, подчиненный и главный подозреваемый по делу «оборотней».

Знаменцев сделал вид, что очень рад встрече:

– Да мальчишка на перекрестке уговорил купить. А ты куда торопишься? Вроде у тебя должны быть сегодня методические занятия. – Он демонстративно поглядел на часы, а затем вперил взгляд в перебитую переносицу подполковника Брагина. Тот явно занервничал, но тут же напустил на себя равнодушный вид:

– Я эту тему уже отработал. Еще в Первую чеченскую. Ты же знаешь, Палыч. Да и важная встреча у меня сегодня. – Он наклонился к самому уху Знаменцева: – Понимаешь, влю-

бился. Встретил девушку небесной красоты. Ты же мужик, Палыч, понимаешь. Не могу отказать даме. – Он нагло посмотрел в глаза начальнику, подмигнул и заспешил к выходу из здания.

Знаменцев проводил его взглядом. Ну-ну, влюбленный. Не дай бог ты сегодня тоже попадешься в сеть. Пощады не жди. Продолжая так рассуждать про себя, грозя предателю возмездием, он поднялся на третий этаж, где обреталось начальство управления. Заходя в свой кабинет, в приоткрытую дверь напротив он увидел, как рыжеволосая Юля украдкой смахивает слезы и всхлипывает. Пал Палыч поморщился: видимо, генерал опять сорвал на ней производственный гнев или устроил очередную сцену ревности, о которых по управлению уже ходили легенды. Он поднес цветы к лицу, вдохнул свежий аромат и шагнул в приемную Доронина.

– Юля, Юленька, здравствуйте! А я вот совсем заработался. Даже к вам еще не заглядывал сегодня.

– Здравствуйте, Пал Палыч, – в последний раз всхлипнула секретарша и слабо улыбнулась, – проходите.

– А у меня сюрприз, – он протянул букетик. – Это вам, Юля. Такие же милые и красивые, как вы...

Дверь генеральского кабинета распахнулась, и Знаменцев замер. На Доронине не было лица. Растрепанный. Без мундира. Злой. Очень злой.

«Ну, я, блин, попал!» – Знаменцев уже отметил, что лампочка селекторной связи в кабинете Доронина горит злове-

щим красным огоньком, что означало, что приемную прослушивали.

– Т-ты... – выдавил генерал, хаотично перемещая взгляд с роз на Знаменцева и обратно. – Т-ты как посмел?!

Пал Палыч быстро положил букетик на стол, вытянул руки по швам и скороговоркой выпалил:

– Рррзршите идти, трищ генррл? Есть!

Не дожидаясь ответа, развернулся на каблуках и почти строевым шагом вышел из приемной.

«Ну, я влип!» За дверью послышался генеральский крик, а затем – плач. Знаменцев стоял в коридоре и чувствовал себя дурак дураком. Вместо того чтобы выйти вслед и сказать Знаменцеву все, что он о нем думает, – если уж на то пошло, – ревнивый генерал вымещал злость на Юле.

«Это их сугубо личное дело, – зажмурился Знаменцев. – Меня, дурака, это не касается. Милые бранятся – только тешатся...» Но, судя по звукам, генерал и не думал останавливаться, а, напротив, распалялся все больше.

«Мне ведь все равно нужно сказать ему, что офицеров надо снимать с дежурства... все-таки у них спецоперация на носу. Должны же люди отдохнуть?» Знаменцев, прогоня последние сомнения, мотнул головой и, понимая, что единственный способ прекратить это безобразие – отчасти принять генеральский гнев на себя, вошел в приемную.

– Разрешите? – с отмороженными глазами произнес он. – Николай Георгиевич, я по поводу предстоящей спецопера-

ции...

В этот момент он ее и ударил – наотмашь.

Знаменцев рванулся к столу и закрыл секретаршу собой.
– Николай Георгиевич! Товарищ генерал-лейтенант!

И когда распалившийся генерал швырнул принесенные цветы в рыдающую секретаршу, Знаменцев понял, что его новая работа вот-вот закончится – едва начавшись.

«Да, пожалуй, уже закончилась...»

Эфир

Когда Луценко принял у себя Доронина, тот был злой и опасный, как адская собака или гремучая змея.

– Войска надо запрашивать, – мрачно выдавил начальник ГУВД, – иначе потом поздно будет.

– Откуда такая уверенность? – холодно поинтересовался мэр.

Генерал сдвинул на переносице кустистые брови:

– На окраинах уже началось. Где стекла побили, где стены лозунгами расписали...

– Это не повод запрашивать войска, – отрезал мэр, но к сведению информацию принял и первым делом затребовал у местного ТВ «Круглый стол» – немедленно и в прямом эфире.

– Стоп-стоп, подождите, – встревожился директор телецентра, – у меня же утвержденная «сетка»! Прямо сейчас начнется позитивная передача о народном движении «Свои», с репортажами с мест, затем...

– Значит, снимайте с эфира «Своих», – рубанул воздух ладонью мэр, – спокойствие горожан важнее.

Директор телецентра опешил:

– Как – снимать «Своих»? Я не могу...

– Сможете, – решительно сказал мэр. – Где тут у вас свободная студия? И поторопитесь! Слишком дорого мне обхо-

дятся ваши проволоочки!

– Давайте я вас на 34-й канал поставлю... – теряя надежду выпустить в эфир «Своих», предложил директор.

– Его смотрит молодежь, – покачал головой мэр, – а панику сеют старухи. Наш канал давайте, самый главный, самый «электоральный»!

И директор сдался, а спустя пять минут Лущенко был в прямом эфире внеочередного выпуска программы «Лицо города».

– Хлеб в городе есть! – с напором стал убеждать он. – Городские комбинаты работают на пределе своих мощностей!

– Но это же и говорит о том, что хлеба недостаточно, – возразил ему ведущий телепрограммы.

– Правильно, – решительно кивнул мэр, – если каждый купит вместо одной буханки две, запасы хлеба сразу уменьшатся вдвое.

– А мука? Как быть с мукой? – продолжил насеждать журналист.

Лущенко яростно повернулся к режиссеру.

– Дайте-ка сегодняшнюю хронику... да-да, там, где мешками на колясках везут...

А потом начались звонки в студию.

– Игорь Петрович, это Семенов. Вы меня помните? Скажите, а почему пенсионерам и ветеранам не разрешают мирный митинг?

– Завтра праздник, вот и продемонстрируете свое миро-

любие, – улыбнулся мэр.

Он знал, что Алена расшибется, но к завтрашнему утру завалит хлебом город. Любой митинг в такой ситуации будет смотреться смешно.

– Скажите, Игорь Петрович, а недостаток хлеба не связан с ликвидацией столь удобных для простого народа «хлебобулочных киосков»?

– С глупостью он связан, – отрубил мэр. – А киоски – это всегда грязь, уход от налогов и контрафакт. Народных интересов там нет и никогда не было.

Лущенко знал, что вопрос подкинул кто-то из прихлебателей Козина, и ставил все точки над «i» решительно и однозначно. Дабы не было иллюзий относительно значимости «хлебобулочных киосков».

– Игорь Петрович, мне вот сестра из соседней области позвонила. Она говорит, что к нам направляют войска.

Мэр на мгновение замер, но тут же взял себя в руки.

– Зачем? – удивленно поднял он брови.

– Хлебные мятежи подавлять.

Лущенко развел руками:

– Не смешно. Мы даже наряды милиции у магазинов стали снимать. Слава богу, народ у нас, я бы сказал, сознательный и неглупый. И не такое переживал – вполне, кстати, достойно.

А потом ему позвонил Чирков.

– Внимательно слежу за вашими успехами, Игорь Петрович, – проронил он. – Справляетесь... вижу...

– Спасибо, Станислав... – начал мэр и... все-таки добавил: – Георгиевич.

– Да, кстати, а что там за история с ТВ? Мне доложили, что вы решили сами формировать сетку телевидения?

«Уже доложили...» – ненавидяще зажмурился Луценко.

– Я занял только тридцать минут. А что... я совершил нечто необратимое?

– Как сказать... – задумчиво произнес Чирков. – Вы же знаете, как болезненно реагируют ветви власти на вопрос разделения полномочий. Вы вторглись в чужие владения, и это оценивают.

Луценко сглотнул. Он не мог так сразу сообразить, какая из ветвей власти в претензии.

«Четвертая? Кто там у них за СМИ отвечает? Или само отключенное от эфира народное движение «Свои»?» Назвать их стройные колонны пятой властью язык не поворачивался.

– Желаю вам отпраздновать День независимости России без отхода от протокола, – ровным голосом произнес Чирков.

– Спасибо, – похолодел Игорь Петрович.

Сейчас у него под контролем было все, однако намеков на возможные инциденты был слишком явен. А в течение ближайшего получаса в приемную администрации позвонили

сразу два журналиста и четыре инспектора ГИБДД.

– В город движутся колонны внутренних войск.

Языки

Когда ему позвонили, Василий неторопливо резал колбаску под пиво и поглядывал в телевизор, где только что показывали мужа его сестры Алены.

– Василий Игоревич?

– Да, это я, – стараясь не испачкать жиром телефон, приложил поудобнее трубку к уху Василий. – А кто говорит?

– Это Сериканов. Роберт Шандорович.

– Здравствуйте.

– Василий Игоревич, администрация города в моем лице официально просит вас выступить представителем городского бизнеса на встрече иностранных гостей.

– Меня?

– Да. Именно вас рекомендовал Игорь Петрович.

Василий аккуратно прижал трубку к щеке и принялся вытирать руки салфеткой.

– А Алена что говорит?

– Алена Игоревна не возражает.

Василий задумчиво хмыкнул. Иногда сестра поручала ему то или иное дело, хотя с ее состоянием она вполне могла нанять еще с две-три сотни квалифицированных функционеров. Как раз для таких случаев.

– Машину я пришлю... – продолжил Сериканов.

– У меня с языками...

– Там будут переводчики. Если что – подскажут. Да от вас там ничего и не потребуется. Встретим, свозим в ресторан, а утром проследим, чтобы им выделили достойное место в праздничной колонне.

– И это все? – поразился Василий.

– Это же обычный протокольный визит, – рассмеялся собеседник. – От нашего брата требуется одно: присутствовать и говорить дежурные комплименты.

Василий кивнул. Он уже понимал, какого рода это поручение.

– Ну как, есть еще вопросы? – поинтересовался Сериканов.

– Скажите, Роберт... Шандорович, а что это за войска в город идут? Мне жена сказала, а ей – соседка.

Сериканов рассмеялся:

– Это обычный слух. И довольно бредовый. Так что не берите в голову, Василий... Игоревич. Нам с вами главное – завтра Игоря и Алену не подвести.

Войска

Едва Сериканов позвонил, Петр Владиленович сорвался с кресла и схватил трубку:

– Роберт! Что это за войска? Я ни фига не понимаю!

Сериканов устало вздохнул:

– Не бери в голову, Петр. Слух это, и довольно бредовый.

– Какой слух? Мне уже раз двадцать позвонили! Они же в полусотне километров от города!

– Никто никаких войск в город не вводит, – твердо произнес Роберт. – А ты, Петр, лучше бы меня о другом спросил.

Козин насторожился:

– Ты что... что-то сделал?

– Я все сделал, – с невероятной усталостью в голосе выдохнул Сериканов. – Но ты не представляешь, во что мне это обошлось. Аванса уже нет, мне своими бабками пришлось добивать.

Козин, не веря в то, что услышал, зажмурился и переспросил:

– Ты сделал все, как я просил?

– Абсолютно, – отрезал Сериканов. – И Луценко, и Алена, и мэрия... попали все. Я платил, как ты сказал, – до результата.

Козин глотнул:

– Базара нет. Возмещу каждый цент.

Третья колонна

Лущенко обзвонил всех, кто мог хоть что-то понимать, но никто ничего не понимал. Ничего не понимал генерал Доронин, хотя, судя по голосу из трубки, был он в полном смятении духа и принял на грудь уже не один стакан «чая». Ничего не понимал замначальника ФСБ, хотя уже тот факт, что его шефа почему-то в городе не было, настораживал. И даже надежный многоопытный Роберт Сериканов также не понимал ровным счетом ни-че-го.

– Бред какой-то! – разводил он руками. – Ну, полный же бред!

Ясно, что ни Чиркову, ни кому другому из верхнего эшелона Игорь Петрович звонить не мог. Во-первых, потому, что была ночь, а во-вторых, задать столь узконаправленный и неудобный вопрос часто означало нарваться на слишком неудобный ответ! Лущенко вообще предпочитал задавать Кремлю только те вопросы, ответы на которые он знал заранее.

Помочь могли федеральные связи отца Алены, однако ее телефон, когда бы он ни позвонил, или был вне доступа, или был занят – каждый раз! И это заставляло ежиться от пробегающего по спине холодка. И лишь когда ему сообщили, что три колонны из четырех со всех, кроме севера, сторон подошли к черте города, Алена позвонила – сама.

– Ты где? – выдохнул Игорь Петрович.

– Уже рядом.

– Ты министру обороны позвонить можешь?

– Зачем? – удивилась Алена.

– Он же друг твоего отца. Мне сообщают, что в город идут войска... – начал Игорь Петрович и в этот самый миг все понял. – Это ты, что ли?

– А кто же еще? – устало рассмеялась Алена. – Кто может дать столько транспорта без того, чтобы сорвать свои собственные контракты? Только армия. Слава богу, папины друзья помогли. И, слушай, запарили меня эти гаишники. Если б я возле каждого дятла колонны с хлебом тормозила, мы бы и послезавтра не успели...

Лущенко ударил себя ладонью в лоб и тихо, немного истерично рассмеялся:

– Ты замечательная жена, Алена... но, бог мой, как же с тобой непросто!

– Зато интересно! – отрезала она. – А ты бы лучше улицы от лишнего транспорта очистил – не все одному тебе сиреной и мигалкой обывателей пугать. Дай уж и мне с почетом хоть раз проехать. Мне кажется, я заслужила.

Чайник

Алена с малых лет умела управлять автомобилем. Сначала это был маленький детский «Москвич» на педалях. Потом – отцовская «двадцать первая» «Волга».

Уже в четырнадцать лет она смело садилась за руль и везла всю семью на дачу, несмотря на габариты и вес машины. Генеральскую машину с «блатными» номерами знали все гаишники города и области, а командир дивизии Сабуров был легендарным воякой и считался воспитанником самого Георгия Жукова. Они даже соседствовали дачами.

Алена сохранила в своих детских воспоминаниях и образ великого маршала тоже. Однако с того памятного случая – во время грозы – поперек дороги упало дерево, и Алена на одном из первых в городе джипов перевернулась, она за руль не садилась и ездила только с водителем.

Отгрузка хлеба шла полным ходом. Солдатики с удовольствием вырвались из душных казарм, развернули походные пекарни и теперь развозили выпеченные булки. Алена не стала никого отвлекать от дел и, когда последняя машина двинулась в назначенный район, накинула платок и вышла на сумеречный утренний проспект. Ее лимузин безнадежно застрял где-то в пригороде. Водитель менял сразу два лопнувших колеса. Доехав до последнего магазина на военном «газике», она решила вспомнить студенческие годы. Под-

няла руку перед старенькой «шестеркой», и белый автомобиль, взвизгнув тормозами, остановился. За ним, несмотря на слишком ранний час, остановились еще три машины, из которых выглядывали разномастные и разновозрастные мужчины.

– Куда, красавица? – высунулся из окошка пожилой водитель, чем-то похожий на Николая Крючкова в роли таксиста. – Или ты не для этого голосуешь?

Не понявшая двусмысленности сказанного, Алена села на заднее сиденье и назвала адрес мэрии. Терпеливо дождалась, когда «жигуленок» наберет скорость, и решила-таки соблюсти приличия и начать беседу.

– Скажите, а что вас в такой час гонит на улицу?

– Ух ты! – восхитился водитель. – Ну, ты, дочка, спросила! Что гонит? Да не что, а кто! Кто? Моя старуха. Вот захотелось ей на старости лет в Карловы Вары. Говорит, всю жизнь мечтала! Ну что ты с ней поделаешь? Вот и работаю по ночам.

– Ну а почему по ночам-то? Ведь опасно.

– Так я, дочка, и по ночам, и по вечерам, и по утрам, и даже днем работаю. Так уж получается. Чтобы на эти Вары скопить, зарабатываю копейку. Эх, жизнь – копейка, судьба – злодейка!

– Ясно. Это хорошо, что о жене заботитесь!

Алена с удовлетворенным видом кивнула, отчего волосы рассыпались из-под косынки, и она принялась их убирать.

«Крючков» посмотрел в зеркальце заднего вида на взлохмаченную, но, несмотря на это, очень красивую женщину и – было видно – заинтересовался.

– А вот ты чего, дочка, так поздно стоишь одна, да еще и простоволосая, среди города? Неужто тоже по этому делу?

Алена не услышала последней фразы и принялась отвечать:

– Да я, отец, вроде как тоже на заработки вышла. Вот мужу помогаю производственные проблемы устранять. У него проблемы, понимаешь? Ну, я и заступила на вахту.

– А-а-а! Я так и понял. Спросить, знаешь, неудобно было...

Старик смотрел на нее через зеркало как-то странно: не то с сочувствием, не то с укоризной.

– А почему вы так странно на меня смотрите?

– Почему странно, дочка? Да что ты! Ты меня не стесняйся, старого! Я всякое видал в жизни-то. Да и жизнь моя что? Так. Тьфу! Копейка. А вот ваша, если на часы посчитать, так тянет на многие тысячи. Сколько там сейчас у вас тариф-то? Долларей сто или уже двести? Инфляция!

Тут до Алены дошел смысл его вопросов и взглядов. Она покраснела и рассердилась. Хотя сердиться приходилось на саму себя, за то, что так двусмысленно отвечала.

– Ой, да вы что!! Все вы не так поняли! Я вовсе не из этих! Не из ночных бабочек! Я правда мужу по работе помогала и сейчас вот домой тороплюсь! К нему же! Никаких тарифов!

Я вам не проститутка!

– Ага! Понял. Понял. Так и я не сутенер. Я ж только спросил тебя, дочка, а ты ругаешься! Эх, жизнь – копейка! – Старик, видимо, все равно не верил ее ответам. Она решила больше с ним не говорить. Зачем и кому доказывать, что ты ночью спасаешь мужа от отставки, а город от хлебного кризиса? А тем паче кто тебе поверит, что ты и есть жена мэра города? Ночью, в таком виде? Да уж! Выглядело не очень убедительно. А «Крючков» продолжал рассуждать:

– Ну, положим, и это ремесло не самое плохое. Что ж плохого в любви и ласке? А если люди в жизни такого не видали?! Или такая красавица, – он кивнул в зеркало на отражение Алены, – никогда не подойдет? А тут – пожалуйста! Есть деньги – плати и люби! Нет – проходи дальше!

– Так вы, значит, за продажную любовь?

– Продажная! Эх тыхватила, девонька! Любовь не продается. Ни за какие деньги! Ты же и сама, дочка, небось знаешь. Любовь не вздохи на скамейке...

– О, да вы поэт?

– Нет, дочка! Я не сочиняю, я ж только рассказываю. Я, когда со своей старухой встречался, много ей стихов читал! О любви! Ну, вот, например: «Любовь – маяк, мерцающий в ночи, не гаснущий во мраке и тумане! Любовь – звезда, которою моряк сверяет путь свой в океане!»

Алена рассмеялась:

– Браво! Это, если не ошибаюсь, Уильям наш Шекспир?

– Ай да девонька! Молодец! Умница! Ну, вот и приехали. Вон наша городская власть, дай бог ей здоровья! А вон твой дом, если тебе, конечно, туда, – он указал на освещенные здания. Алена протянула пятьсот рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.